

БЕСТСЕЛЕР NEW YORK TIMES

КРАСИВЫЕ ВЕЩИ

«ДЬЯВОЛЬСКИ УМНЫЙ
РОМАН».

KIRKUS

ДЖАНЕЛЛЬ БРАУН

18+

Джанелль Браун
Красивые вещи

«РИПОЛ Классик»

2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)6-44

Браун Д.

Красивые вещи / Д. Браун — «РИПОЛ Классик», 2020

ISBN 978-5-386-13998-8

Мир можно разделить на два типа людей: на тех, кто ждет, что им что-то дадут, и на тех, кто сам берет, что захочет. Нина — дочь талантливой аферистки и профессиональная мошенница. Вместе со своим парнем она обкрадывает представителей золотой молодежи. Ванесса — молодая наследница большого состояния и известный Instagram-блогер. Но за блестящим фасадом шика скрывается личная трагедия девушки. Их истории пересекаются здесь, на холодном берегу озера Тахо, где в зимней тишине столкнутся двуличие, месть и опасные желания.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)6-44

ISBN 978-5-386-13998-8

© Браун Д., 2020
© РИПОЛ Классик, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвертая	23
Глава пятая	28
Глава шестая	35
Глава седьмая	40
Глава восьмая	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Джанелль Браун

Красивые вещи

This translation is published by arrangement with Random House, an imprint and division of Penguin Random House LLC.

Copyright © 2020 by Janelle Brown

© Сосновская Н. А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

Посвящается Грэгу

«При первой встрече вы мне не понравились. Мне все еще не так просто изменить свое отношение к вам. Когда встречаешь кого-то лично, сразу понимаешь, что перед тобой человек, а не нечто наподобие карикатуры, служащей вместилищем для каких-то идей. Отчасти именно по этой причине я не так много вращаюсь в писательских кругах, поскольку по собственному опыту знаю: стоит мне с кем-то познакомиться и поговорить — и я уже никогда не смогу выказать в отношении этого человека никакой интеллектуальной грубости, даже тогда, когда чувствую, что надо бы».

Из письма Джорджа Оруэлла Стивену Спендеру, 13 апреля 1938 г.

Пролог

Говорят, если мертвое тело тонет в озере Тахо, оно никогда не всплывает. Ледяная вода озера и его огромная глубина не дают бактериям размножаться. Человеческая плоть не разлагается. Тело обречено вечно плавать над дном озера и пребывать в вечном чистилище, пополняя собой органический мир неведомых глубин, населенных загадочными обитателями.

Смерть есть, а разложения нет.

Озеро Тахо имеет глубину более четверти мили. Ему два миллиона лет. Местные жители, говоря о нем, употребляют целый ряд превосходных степеней. Их озеро – одно из самых глубоких в Америке, самое чистое, самое синее, самое холодное и самое древнее. На самом деле никто не знает, что находится на дне Тахо, но все уверены: это нечто темное и загадочное. Существуют предания о некоем существе наподобие Лох-Несского чудовища. Его именуют Тахо-Тэсси. Никто не принимает Тэсси всерьез, но при этом огромным спросом пользуются футболки с его изображением. Однако с помощью глубоководных видеокамер удалось заснять загадочных рыб около дна озера, на глубине в тысячу шестьсот футов. Это обесцвеченные добела и похожие на акул существа, в процессе эволюции научившиеся переносить температуру, близкую к нулю. Кровь у них в сосудах течет очень медленно. Возможно, эти рыбы такие же древние, как само озеро.

Есть и другие предания. Предания о том, как мафия пользовалась озером Тахо для утопления своих жертв в те годы, когда мафиози держали под контролем казино в штате Невада. Предания о железнодорожных королях времен «золотой лихорадки», считавших озеро удобной братской могилой для китайских рабочих, падавших замертво при прокладке рельсов через горы Сьерра-Невада. Предания о мстительных женах, проштрафившихся полицейских, смертельно опасных тропах, ведущих к берегу озера и обрывавшихся там. Дети по ночам рассказывают друг дружке страшные истории о трупах, плавающих у дна озера с выпученными глазами и развевающимися в воде волосами.

На поверхность озера медленно падает снег. Под поверхностью медленно опускается вниз мертвое тело. Вытаращенные глаза смотрят на меркнувший свет до тех пор, пока он не гаснет навсегда.

Глава первая

Нина

Ночной клуб – это храм, где поклоняются потворству. Внутри этих стен не существует осуждения: здесь вы не встретите популистов, оппозиционеров, любителей испортить настроение другим. (От всего этого предохраняют бархатные канаты на входе.) Вместо этих зануд вы встретите здесь девушек в мехах и дизайнерских шелковых платьях. Они сбиваются в стайки и щебечут, словно экзотические птички. Еще вы встретите здесь мужчин с бриллиантами, вставленными в зубы. Из бутылок из-под водки за тысячу долларов вылетают фейерверки. Это царство мрамора, кожи и меди, отполированной до такого блеска, что она сияет, как золото.

Диджей включает музыку. Звучит басовый ритм. Танцующие встречают эту музыку ликующим хором, поднимают вверх смартфоны, раскачивают ими в такт и включают их, потому что если уж это их церковь, то социальные сети – это их Священное Писание, а с помощью этих крошечных экранов они обожествляют себя.

Вот они – один процент населения. Молодые и баснословно богатые. Детки миллиардеров и миллионеры-миленниалы, знатоки ценностей. «Инфлюенсеры». У них есть все, и они хотят, чтобы весь мир знал об этом. *«Красивые вещи, так много красивых вещей в мире, и мы берем их все, – говорит каждая их фотография в Инстаграме. – Жажда этой жизни, потому что это самая лучшая жизнь, а мы #избранные».*

Посреди всего этого женщина. Она развязно танцует там, где на нее прицельно падает свет, и его блики сверкают на ее коже. На ее лице мелкие капельки испарины, блестящие темные волосы развеваются, обрамляя ее лицо, когда она раскачивается в такт с жестким, скрежещущим ритмом. Официанткам, направляющимся к стойкам с алкоголем и обратно, приходится лавировать, чтобы обойти эту женщину, потому что искрящиеся фейерверки на подносах могут поджечь ее длинные волосы. Всего лишь еще одна девушка из Лос-Анджелеса, жаждущая хорошо провести время.

Однако, если приглядеться получше, вы увидите, что ее полуприкрытые глаза смотрят резко и зорко, они мрачно наблюдают. Она пристально следит за мужчиной, сидящим за столиком в нескольких футах от того места, где она танцует.

Этот мужчина пьян. Он сидит, развалившись на диване, в кабинке с компанией друзей. У всех волосы уложены гелем. Кожаные куртки, солнечные очки от «Гуччи» – ночью. Всем двадцать с небольшим. Они подпевают звучащей песне на ломаном английском и неприлично пялятся на проходящих мимо женщин. Время от времени этот мужчина наклоняется к столику и формирует «дорожку» кокаина, едва не задевая флотилию пустых бокалов. Начинает звучать песня Jay-Z¹, мужчина запрыгивает на сиденье дивана, потрясает гигантской бутылкой шампанского – это редкая, большая емкость дорогого шампанского «Cristal» – и поливает пенящимся вином головы людей вокруг. Девушки визжат. Пена стоимостью в пятьдесят тысяч долларов портит их платья, стекает на пол, и шпильки скользят по лужицам. Мужчина так хохочет, что едва не падает.

Официантка приносит новую бутылку шампанского, и, когда она ставит ее на стол, мужчина сует руку ей под юбку с таким видом, словно он заказал официантку вместе с шампанским. Официантка бледнеет. Она боится лишиться обещанных чаевых, по меньшей мере равных ее месячной зарплате. Она беспомощно смотрит на танцующую в нескольких футах от столика черноволосую женщину. И тут женщина делает ход.

¹ Шон Кори Картер, более известный под сценическим псевдонимом Jay-Z – американский рэпер, автор песен, музыкальный продюсер, исполнительный продюсер и предприниматель. Считается величайшим рэпером всех времен. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Продолжая танцевать, она приближается к мужчине и... упс! – оступается и падает на него. При этом его рука выскальзывает из-под юбки официантки. Та с облегчением убегает. Мужчина ругается по-русски, но вот его взгляд перемещается на то, что ветром принесло к нему на колени. Женщина очень красива – здесь все женщины просто обязаны быть хороши собой, иначе вышибалы их попросту не впустят в клуб. Она смугла и стройна – может быть, с примесью испанской или латиноамериканской крови? Не самая сексуальная из девушек в клубе, не самая эффектная, но одета она хорошо, и юбка у нее зазывно короткая. И что гораздо важнее, она не смущается, когда мужчина тут же переводит внимание на нее, никак не реагирует на то, что его рука по-хозяйски лежит у нее на бедре, и на то, что он дышит кислым перегаром ей в ухо.

Нет, она садится рядом с ним и его друзьями, позволяет налить ей шампанского и медленно пьет его. Мужчина заказывает еще полдюжины бокалов. К столику компании подсаживаются женщины – и уходят. Она остается. Она улыбается и флиртует и ждет момента, когда все мужчины отвлекаются, поскольку за одним из соседних столиков возникает звезда таблоидов – знаменитый баскетболист. В это мгновение женщина быстро и ловко выливает в бокал мужчины содержимое маленького прозрачного флакончика.

Проходит несколько минут. Мужчина допивает шампанское, отталкивается от стола. Он с трудом держится на ногах и снова садится. И тут женщина прижимается к нему и целует его. Она закрывает глаза, чтобы скрыть отвращение от прикосновения его языка, похожего на толстого шершавого слизня. Его друзья гогочут и выкрикивают непристойности по-русски. Когда женщине это становится нестерпимо, она отстраняется и что-то шепчет мужчине на ухо, потом встает и тянет его за руку. Через несколько минут они направляются к выходу из бара. Услужливый парковщик открывает дверцу бананово-желтого «бугатти».

Но мужчина теперь чувствует себя довольно странно. Он в полуобморочном состоянии, то ли от шампанского, то ли от кокаина – сам не понимает от чего, но не в силах возразить, когда женщина берет у него ключи от машины и сама садится за руль. Мужчина успевает пробормотать адрес на Голливудских холмах и отключается, сидя на пассажирском сиденье.

Женщина осторожно ведет «бугатти» по улицам Западного Голливуда, мимо ярко освещенных билбордов с рекламой солнечных очков и бумажников из телячьей кожи, мимо зданий с кричащими постерами высотой в пятьдесят футов, посвященными новому телесериалу, номинированному на «Емму». Женщина поворачивает на более тихие извилистые улицы, ведущие к Малхолланду. Она так крепко сжимает руль, что костяшки пальцев у нее побелели. Мужчина рядом с ней храпит и раздраженно чешет в паху. Когда они наконец подъезжают к воротам его дома, женщина наклоняется и сильно щиплет мужчину за щеку. Он резко просыпается. Женщина просит его назвать код для въезда в ворота.

Ворота открываются. За ними огромный суперсовременный особняк со стеклянными стенами. Громадная прозрачная птичья клетка, возвышающаяся над городом.

Не без труда женщина выволакивает мужчину из машины и помогает ему держаться прямо. Они идут к парадной двери. Женщина замечает камеру слежения и предусмотрительно держится на таком расстоянии, чтобы не попасть в объектив. Затем она смотрит очень внимательно и запоминает цифры, которые мужчина набирает на кодовом замке. Дверь открывается, и парочку приветствует визг сигнализации. Мужчина возится с щитком, женщина внимательно следит за его пальцами.

В доме холодно, как в музее, и примерно так же уютно. Дизайнер интерьера явно получил от хозяина команду: «Чем больше, тем лучше» – и выгрузил внутрь дома содержимое каталога «Сотбис». Все вокруг отделано кожей, золотом и стеклом. Под хрустальными люстрами стоят диваны и кресла размером с малолитражные автомобили, все стены увешаны картинами. Шпильки женщины цокают по мраморным плитам пола, отполированного до зеркаль-

ного блеска. За окнами сверкают и мерцают огни Лос-Анджелеса. Внизу течет жизнь простых людей, а жизнь этого мужчины плывет здесь, в небе, высоко и безопасно.

Женщина тащит мужчину почти волоком по громадному дому к спальне. Он снова начинает отключаться. Поднявшись вместе с полусонным хозяином по лестнице, женщина наконец находит спальню – холодный белый мавзолей. На полу – шкура зебры, на кровати – подушки с чехлами из меха шиншиллы. Окна выходят на подсвеченный бассейн, среди ночи похожий на инопланетный маяк. Женщина ведет шатающегося мужчину к кровати и бросает на смятые простыни. Через пару секунд его тошнит. Женщина едва успевает отскочить в сторону, чтобы блевотина не попала на босоножки на шпильках. Она холодно смотрит на мужчину.

Как только он снова отключается, она торопливо бежит в ванную и старательно намазывает язык зубной пастой, но убрать изо рта мерзкий привкус ей все же не удастся. Ее передергивает. Она смотрит на свое отражение в зеркале и глубоко дышит.

Вернувшись в спальню, она осторожно обходит лужу блевотины на полу и осторожно тыкает мужчину пальцем. Он не реагирует. Он успел обмочиться.

Вот тут начинается для женщины настоящая работа. Первым делом она направляется в гардеробную, где от пола до потолка на вешалках висят японские джинсы, а на полках стоят пары эксклюзивных кроссовок, а еще – радуга шелковых сорочек оттенков мороженого и костюмы из тонкой шерсти, еще не вынутые из магазинных сумок. Женщина направляется к стеклянному столику в центре комнаты. Под крышкой сверкает коллекция инкрустированных бриллиантами наручных часов. Женщина достает из сумочки телефон и фотографирует часы.

Она выходит из гардеробной и направляется в гостиную. Словно бы проводя инвентаризацию, по пути она фотографирует все, что ей попадает на глаза, – мебель, картины, другие произведения искусства. Поравнявшись с комодом, на котором она видит несколько фотографий в серебряных рамках, женщина из любопытства берет одну из них. На снимке запечатлен хозяин дома, обнимающий за плечи мужчину гораздо более старшего возраста. Розовые ребяческие губы старшего разъехались во влажной ухмылке. Он явно пытается держаться так, чтобы не были видны толстые складки кожи под подбородком. Этот человек выглядит как самодовольный промышленный магнат, каковым он и является. Это Михаил Петров, русский олигарх, владелец заводов по обработке поташа². Время от времени он оказывает поддержку нынешнему диктатору. Бесчувственно храпящий мужчина в соседней комнате – это его сын Алексей. Друзья, такие же дети русских богачей, с которыми он встречается по всей планете, зовут его Алекс. Особняк, битком набитый произведениями искусства и антиквариатом, – испытанное средство отмывания весьма нечистых денег.

Женщина продолжает обход дома и обращает внимание на предметы, знакомые ей по публикациям Алекса в социальных сетях. Вот пара кресел дизайнера Джио Понти³, шестидесятые годы, их стоимость порядка тридцати пяти тысяч долларов. А вот столовый гарнитур розового дерева, цена которого явно обозначается шестизначной цифрой. Винтажный итальянский журнальный столик стоимостью в шестьдесят две тысячи долларов. Его цену женщина знает точно: она проверила эти данные, заметив столик в Инстаграме Алекса. Тогда столик был завален сумками из бутика Роберто Кавалли, а пост был снабжен хэш-тегом *#ballershopping*. Потому что Алексей, как его друзья, как другие люди из этого клуба, как все отпрыски привилегированных семейств в возрасте от тринадцати до тридцати трех лет, документирует каждый свой шаг в онлайн, а женщина за ним внимательно следит.

Она резко оборачивается, замирает, прислушивается. За годы она узнала, что у каждого дома свой характер, своя палитра эмоций, и ощутить все это можно в минуты тишины. Звуки

² Поташ – карбонат калия, встречается в природе и производится промышленно, применяется как удобрение, незаменим в производстве хрусталя, оптического и тугоплавкого стекла, применяется в фотографической промышленности для производства проявителей и в других промышленных сферах.

³ Джио Понти (1891–1979) – итальянский архитектор, основатель итальянского дизайна, публицист.

дома... Вот что-то словно бы пошевелилось и затихло, что-то щелкнуло, застонало. Эхо выдает тайны дома. В мерцающей тишине дом рассказывает женщине о том, как холодна его жизнь. Этот дом безразличен к страданиям, его заботят только блеск, полировка и поверхность вещей. Этот дом пуст даже при том, что набит вещами доверху.

Женщина, хотя ей и не стоит этого делать, тратит какое-то время, чтобы полюбоваться прекрасными картинами из коллекции Алексея. Она видит картины Кристофера Вула⁴, Брайса Мардена⁵, Элизабет Пейтон⁶. Она задерживается перед картиной Ричарда Принса⁷ с изображением медсестры в окровавленной хирургической маске. Сзади медсестру обхватывает какая-то бесформенная, туманная фигура. Темные глаза медсестры зорко глядят с полотна.

Женщине пора торопиться. Уже почти три часа ночи. Она в последний раз обходит комнаты, заглядывает в уголки, ищет красноречивый блеск объективов внутренних видеокамер, но ничего такого не обнаруживает. Для обитателя мира развлечений вроде Алексея слишком опасно светиться на записях собственных безобразий. Наконец женщина выскальзывает из дома и идет босиком к Малхолланд-Драйв, держа в руках босоножки. Там она вызывает такси. Адреналин в ее крови постепенно рассасывается, наваливается усталость.

Такси едет на восток, в ту часть города, где дома не прячутся за воротами, а на газонах растут сорняки, а не аккуратно подстриженная трава. К тому времени, когда такси подвозит женщину к бунгало, поросшему бугенвиллеей, она уже почти спит.

В ее доме темно и тихо. Она переодевается и забирается в кровать. Она слишком сильно устала, у нее даже нет сил смыть пленку пота и дыма, прилипшую к ее коже.

В кровати спит мужчина. Простыни обвивают его оголенный торс. Как только женщина оказывается в постели, он тут же просыпается, подпирает голову согнутой в локте рукой и в темноте разглядывает женщину.

– Я видел, как ты с ним целовалась. Мне стоит ревновать?

Он говорит полусонным голосом, с легким акцентом.

Женщина до сих пор чувствует привкус другого мужчины у себя во рту.

– Господи, нет.

Он тянет руку через женщину и включает настольную лампу, чтобы лучше рассмотреть женщину. Внимательно разглядывает ее лицо, нет ли где-то синяков, но их нет.

– Ты заставила меня поволноваться. С этими русскими шутки плохи.

Она часто моргает, свет лампы режет ей глаза. Ее бойфренд проводит рукой по ее щеке.

– Со мной все хорошо, – произносит она, и вдруг вся бравлада покидает ее. Она дрожит, от пережитого стресса все ее тело сотрясается – но нет, не только от стресса. У нее кружится голова от осознания удачи. – Я отвезла Алекса домой в его «бугатти». Лахлэн, я была в его доме. Я засняла все.

Глаза Лахлэна загораются.

– Вот это я понимаю! Умница моя!

Он притягивает женщину к себе, проводит руками по гладкой коже ее спины и чувствует, как напрягаются ее мышцы под его ладонями. А она позволяет себе погрузиться в сумеречное состояние между желанием и изнеможением. Это что-то вроде сна наяву, где настоящее, прошлое и будущее сливаются в дымку, лишенную времени. Она думает о стеклянном доме в Малхолланде, о картине Ричарда Принса, об окровавленной медсестре, глядящей со стены на холодные комнаты. Эта женщина – словно бы безмолвный ночной страж. Она заключена в стеклянную тюрьму и ждет чего-то.

⁴ Кристофер Вул (род. 1955) – современный американский художник и скульптор.

⁵ Брайс Марден (род. 1938) – американский художник-минималист.

⁶ Элизабет Пейтон (род. 1965) – современный американский живописец, известна благодаря стилизованным и идеализированным портретам знаменитостей.

⁷ Ричард Принс (род. 1949, зона Панамского канала) – современный американский художник.

А что же Алексей? Утром он проснется в высохшей луже собственной мочи и не сможет оторвать голову от подушки. Он будет писать эсэмэски друзьям, а они ответят ему, что из клуба он уехал с крутой телкой, но он ничего не сумеет вспомнить. Первым делом он примется гадать, трахнул ли он эту женщину, прежде чем отключился, и стоит ли об этом думать, если он ничего не помнит. Потом он примется лениво гадать, кто же эта женщина, но никто не сможет ему ответить.

А вот я могла бы сказать ему. Потому что эта женщина – я.

Глава вторая

Нина

Каждый преступник имеет свой М. О⁸. У меня он такой: я наблюдаю и жду. Изучаю, что есть у людей и где они это хранят. Это легко, потому что они сами мне все показывают. Их аккаунты в социальных сетях – словно окна в их миры, и они как бы открывают эти окна нараспашку и умоляют меня заглянуть внутрь и провести инвентаризацию.

Алексея Петрова, к примеру, я нашла в Инстаграме – просто однажды листала фотографии незнакомых людей, пока на глаза мне не попались желтый «бугатти» и мужчина, сидящий на капоте машины. Его самодовольная ухмылка ясно сказала мне, кем он себя возомнил. К концу недели я знала о нем все: кто его друзья и родственники, где он любит тусоваться, в каких бутиках совершает покупки, в каких ресторанах ужинает, в каких клубах выпивает. Кроме того, мне стало известно, что к женщинам он относится без всякого уважения, что он – бытовой расист и жутко самовлюбленный тип. Все его снимки – словно бы для моего удобства – были снабжены геолокационными тегами и хэштегами. Вся его жизнь выглядела каталогизированной и документированной.

Я наблюдаю и жду. А потом, когда подворачивается возможность, беру.

Подобраться к людям такого сорта проще, чем вы думаете. В конце концов, они обеспечивают мир поминутным подтверждением своего существования. Мне только нужно напасть на их след. Люди открывают двери миловидным, хорошо одетым девушкам и много вопросов при этом не задают. А потом, когда вы уже переступили порог, все дело в том, чтобы правильно выбрать время. Нужно дожидаться момента, когда женщина оставит на столике сумочку и уйдет в туалет, когда будут закурены электронные сигареты, все вокруг станут пьяными и толпа тусовщиков подхватит тебя и вынесет на гребень своей волны... Вот тогда наступает идеальный момент беспечности. Он-то мне и нужен.

Я успела узнать, что богачи – а особенно молодые богачи – очень беспечны.

И вот что произойдет с Алексеем Петровым: через несколько недель, когда эта ночь (и мое присутствие в ней) превратится в смутное, приправленное кокаином воспоминание, он соберет вещи и отправится на неделю в Лос Кабос⁹ с десятком своих элитарных приятелей. Он будет постить в Инстаграме фотографии – как он всходит на борт *#gulfstream*, одетый в костюм от *#versace*, а потом пьет *#domperignon*, бутылка которого лежит в ведерке из *#чистогозолота*, а еще загорает на палубе яхты с *#красивымилюдьми* в *#mexico*.

А пока он будет в отъезде, к его пустому особняку подъедет фургон с названием несуществующей фирмы по реставрации мебели и хранению произведений искусства – на тот случай, если соседям вздумается поглазеть на машину из окон своих крепостей, прячущихся за надежными воротами. Но глазеть они не будут. Мой напарник Лахлэн – тот самый, который был в моей постели, – войдет в дом с помощью кодов на воротах и двери, которые ему сообщила я. Он возьмет вещи, которые укажу я: две пары не самых дорогих часов, пару бриллиантовых запонок, кресла от Джиро Понти, итальянский журнальный столик и еще несколько вещей. Он уложит их в свой фургон.

Мы могли бы украсть у Алексея намного больше, но мы не станем этого делать. Вместо этого мы следуем правилам, которые я для себя установила, когда впервые вступила в игру. Не

⁸ *Modus operandi* (сокр. М. О.) – латинская фраза, которая обычно переводится как «образ действия». Данная фраза используется в юриспруденции для описания способа совершения преступления.

⁹ Курортная местность в Мексике.

бери слишком много, не становись алчной. Бери только то, из-за чего хозяин не будет слишком переживать. И кради только у тех, кто может себе позволить иметь такие вещи.

КРАЖА. КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО

1. Никогда не крадите произведения искусства. Каким бы искушением ни была картина за несколько миллионов долларов, какое угодно творение знаменитого художника, «толкнуть» ее будет невозможно. Даже латиноамериканские наркобароны не соблазняются краденой работой Баскии¹⁰, которую никогда не сумеют продать на открытом рынке.

2. Драгоценные камни украсть легко, но по-настоящему ценные, как правило, единственны в своем роде, и потому их легко опознать. Берите те, что помельче. Вынимайте их из украшений и продавайте отдельно.

3. Брендовые вещи – дорогие часы, дизайнерская одежда, дамские сумочки – это всегда хорошая ставка. Выставляйте Pateck Philippe¹¹ на eBay, и пусть эти часики купит какой-нибудь технарш из Хобокена¹², получивший первую большую зарплату и желающий пустить пыль в глаза друзьям. (Но тут лучше набраться терпения: будет лучше выждать шесть месяцев – на случай, если власти мониторят сеть на предмет продажи краденного.)

4. Наличные. Это всегда идеал вора. Но взять их труднее всего. Богатенькие детки пользуются картами Centurion¹³ и не носят при себе, да и дома не хранят толстые пачки наличных.

Правда, однажды я нашла двенадцать тысяч долларов в кармане на дверце лимузина, принадлежавшего сыну магната телекоммуникаций из Чэнду¹⁴. Это была удачная ночь.

5. Мебель. В этом вопросе надо хорошо разбираться. Нужно хорошо знать антиквариат. Я знаю. В этом мне помогает ученая степень искусствоведа (хоть в этом она помогает). К тому же надо иметь канал сбыта. Не встанешь же на углу с журнальным столиком дизайна Макашмы¹⁵ и не будешь надеяться, что у какого-нибудь прохожего случайно окажется в кармане тридцать тысяч баксов.

Я похитила три сумочки «Биркин»¹⁶ и норковую шубу от Fendi¹⁷ из гардеробной звезды телевизионного реалити-шоу «Шопоголики». Покинув вечеринку в особняке менеджера хедж-фонда, я ушла унося в сумке вазу эпохи Мин. В другой раз я сняла с пальца наследницы китайской стальной империи колечко с желтым бриллиантом. Девушка напилась до бесчувствия и вырубилась в туалете отеля в Беверли-Хиллз. Однажды я даже угнала «мазерати» из гаража звезды YouTube, парня, которому было чутко за двадцать, он прославился смелыми

¹⁰ Жан-Мишель Баския (1960–1988) – американский художник. Прославился сначала как граффити-художник в Нью-Йорке, а затем, в 1980-х годах, как очень успешный неоэкспрессионист.

¹¹ Patek Philippe – швейцарская компания, производитель часов класса «люкс».

¹² Хобокен – город в штате Нью-Джерси, где находится Политехнический институт Стивенса, один из старейших технических университетов в Соединенных Штатах.

¹³ Карта Центурион (или Черная карта) – самая уникальная и дорогая кредитная карта, выпускаемая компанией American Express. Карта Центурион предоставляет своему владельцу широкий спектр эксклюзивных привилегий.

¹⁴ Административный центр провинции Сычуань в Китае.

¹⁵ Японско-американский архитектор и дизайнер (1905–1990).

¹⁶ Сумка «Биркин» (англ. *Birkin bag*) – модель дамской сумки торговой марки Hermès. Названа в честь англо-французской певицы и актрисы театра и кино Джейн Биркин.

¹⁷ Fendi – итальянский дом моды, специализирующийся на выпуске одежды, изделий из кожи и меха, аксессуаров и парфюмерии.

автомобильными трюками. Правда, машину эту мне пришлось бросить в Калвер-Сити. Она была слишком заметной, ее трудно было бы продать.

Итак, запонки Алексея отправятся в центр города, к ювелиру с дурной славой, чтобы он разобрал их и перепродал. Часы будут выставлены в онлайн-магазине по продаже предметов роскоши, да за такую цену, что невозможно будет устоять. Мебель окажется в контейнере в Ван Найсе¹⁸, откуда потом отправится к конечному пункту назначения.

Со временем к этому контейнеру явится израильский торговец антиквариатом по имени Эфраим и заберет содержимое. Он упакует мебель в ящики и отправит их в один из аэропортов Швейцарии с экстерриториальной беспощинной зоной, где никому не придет в голову проверять происхождение вещей, а покупатели предпочитают расплачиваться деньгами, добытыми нечестным путем. То, что мы забрали у Алексея, окажется в частных коллекциях в Сан-Паулу, Шанхае, Бахрейне, Киеве. За эту услугу Эфраим возьмет семьдесят процентов дохода. Это просто грабеж на большой дороге, но без него мы бы ничего не смогли сделать.

А к концу этого процесса у нас с Лахлэном окажется на руках сто сорок пять тысяч долларов на двоих.

А скоро ли Алексей узнает, что его ограбили? Судя по его активности в Инстаграме, пройдет дня три после его возвращения из Мексики, когда он окончательно проспится с похмелья, войдет в гостиную и поймет, что там чего-то слегка недостает. Кажется вон там, в углу, стояли два кресла, обитые золотистым бархатом? В этот день он опубликует фотографию бутылки Patron с подписью: «Черт, кажется, у меня крыша едет. Надо дернуть текилы». Довольно скоро он обнаружит пропажу часов. Появится еще один пост: фотография с новенькими сверкающими часами (несколько пар) на волосатой руке, с геотэгом в часовой компании Feldmar в Беверли-Хиллз и подписью: «Выбрать не могу, куплю все». И тем не менее об ограблении он в полицию не заявит. Люди его круга редко это делают. Потому что кому охота возиться с какими-то бумажками, пронырливыми чиновниками и заниматься всей этой тягомотиной из-за пары побрякушек? Все равно они не найдутся, проще новые купить.

Сверхбогатые люди не похожи на нас с вами, понимаете? Мы каждый день, каждую минуту знаем, где наши деньги, и где находятся наши самые ценные вещи, и какова их цена. А вот у сказочно богатых людей деньги лежат в таком количестве разных мест, что они порой забывают, что у них есть и где это должно находиться. Гордость за стоимость тех вещей, которыми они обладают, – *2,3 миллиона долларов за этот кабриолет МакЛарен!* – это зачистую маскировка лени. Лени заботиться о своих вещах. Машины попадают в аварии и бьются, картины портятся от сигаретного дыма, дизайнерское платье отправляется на помойку после одного выхода в нем. Красота эфемерна. Всегда найдется что-то поярче и поновее, новая безделушка на замену.

Что легко пришло, то легко уходит.

¹⁸ Район Лос-Анджелеса.

Глава третья

Нина

Ноябрь в Лос-Анджелесе – это примерно как лето почти во всех других местах. Ветры Санта-Ана¹⁹ принесли волну жары. Солнце поджаривает спекшуюся землю в каньонах, воздух пахнет коноплей и жасмином. В моем бунгало плети бугенвиллеи стучат по стеклам и в отчаянной страсти роняют листья.

В пятницу, через месяц после ограбления Алексея, я просыпаюсь поздно в пустом доме. Сажусь в машину, еду вниз по склону холма, чтобы выпить кофе и сходить на занятия йогой, а когда возвращаюсь, сажусь с книжкой на ступеньку крыльца и читаю роман. Утро обещает быть тихим и спокойным. Моя соседка Лайза вынимает из багажника машины мешки с удобрениями и несет их на задний двор. Удобрения почти наверняка предназначены для грядки марихуаны. Проходя вдоль забора, Лайза кивает мне.

Я живу здесь уже три года. Мое маленькое гнездышко на высоте, мой шалаш, двухэтажное бунгало, изначально построенное как охотничий домик. Я живу здесь с моей матерью. Наш дом приткнулся в заброшенном уголке Эхо Парка – обшарпанный, с заросшим чем попало участком. Этот район слишком неудобен для девелоперов жилищного строительства и не слишком престижен для обуржуазившихся хипстеров, завышающих цены на недвижимость в районах, расположенных ниже по склонам. Если стоишь на вершине холма в пасмурный день, можно услышать стон межштатного скоростного шоссе, а чаще здесь, наверху, создается впечатление, будто ты очень далеко от остальных районов города.

Мои соседи выращивают травку в своих огородиках, собирают осколки керамики, пишут стихи и политические манифесты и украшают свои заборы морскими стеклышками. Здесь никто не заботится о стрижке лужаек – просто ни у кого нет никаких лужаек, вот и стричь нечего. Вместо этого люди здесь ценят простор, личную свободу и то, что никто никого ни за что не осуждает. Я прожила здесь год и только потом узнала, что соседку зовут Лайза, и то только потому, что ее номер журнала для садоводов «The Herb Quarterly» по ошибке положили в мой почтовый ящик.

Когда Лайза проходит по двору второй раз, я встаю, машу ей рукой и пробираюсь через свои заброшенные заросли суккулентов к покосившейся изгороди, разделяющей наши участки: – Эй, привет. У меня кое-что есть для тебя.

Лайза отбрасывает со лба тронутый сединой клочок волос. На руках у нее садовые перчатки. Она идет ко мне навстречу. Когда она уже совсем близко, я перегибаюсь через изгородь и сую сложенный вдвое чек в карман ее джинсов.

– Для детишек, – говорю я.

Лайза вытирает испачканные в земле перчатки о джинсы, и у нее на заднице остаются темно-коричневые полосы.

– Опять?

– Хорошая работа подвернулась.

Лайза кивает и криво улыбается мне:

– Ну, рада за тебя. И за нас тоже рада.

Не исключено, что Лайза удивляется тому, что ее соседка, «специалистка по антиквариату», регулярно дарит ей чеки на четырехзначные суммы, но она ни разу мне ни слова не ска-

¹⁹ Санта-Ана – сильные периодические ветры в Калифорнии. Они несут сухой воздух из района Большого Бассейна в глубине материка к побережью Южной Калифорнии и Нижней Калифорнии. Большей частью ветры дуют осенью и зимой, хотя встречаются и в другие времена года. Осенью ветры Санта-Ана вызывают на побережье кратковременные периоды очень жаркой и крайне сухой погоды, создавая условия для обширных пожаров.

зала. Я думаю, что, если бы она даже знала, чем я занимаюсь на самом деле, она все равно не осудила бы меня. Лайза управляет некоммерческой организацией, оказывающей адвокатскую поддержку детям в суде. Детям – жертвам насилия и халатного отношения со стороны родителей. Уверена, Лайзу порадовало бы (как это радует меня), если бы она узнала, что часть денег, которые я отбираю у самых испорченных детей на свете, попадает детям, у кого денег меньше всех.

(И да, я понимаю, что эти чеки – всегда попытка для меня очистки совести. Так воры в законе выписывают чеки благотворительным фондам и зовут себя филантропами. Но ведь и в самом деле, от этого всем хорошо, правда?)

Лайза смотрит за мое плечо, на бунгало:

– Я видела, как твоя мама куда-то уехала на такси рано утром.

– К врачу. КТ делать.

Лайза озабоченно сводит брови:

– Заболела?

– Нет, все в порядке. Просто очередное обследование. Ее врач настроен оптимистично. Несколько последних томограмм были хорошими. Так что, может быть...

Мои слова повисают в воздухе. Я слишком суеверна, чтобы произнести слово, которое просится на язык, – *ремиссия*.

– Это не может не радовать. – Лайза качается с носка на пятку, она в рабочих ботинках. – Ну так что? Вы тут останетесь, если она чистая?

Это слово – «*чистая*» – вызывает у меня что-то наподобие спазма. «Чистый» – это означает «ясный», но кроме того, и чистое небо, и свободу, и открытую дорогу к будущему. В последнее время я позволяю себе немного помечтать. Совсем чуть-чуть. Вот вчера ночью я лежала в постели, слушала тихое дыхание Лахлэна рядом с собой и мысленно перебирала разные варианты. «*Что может быть дальше?*». То, чем я занимаюсь, конечно, будоражит меня постоянными выбросами адреналина, а про доходы я уже и не говорю, однако я никогда не собиралась делать *это* всю жизнь.

– Точно не знаю, – отвечаю я. – Здесь мне немного беспокойно. Я думаю, не вернуться ли в Нью-Йорк.

И это правда, хотя когда пару месяцев назад я сказала об этом матери: «*Может быть, когда ты окончательно поправишься, я вернусь на Восточное Побережье и...*», в ее глазах отразился такой ужас, что фразу я так и не закончила.

– Может быть, тебе и хорошо было бы начать новую жизнь, – негромко и мягко произносит Лайза, отбрасывает волосы с лица и пристально смотрит на меня.

Я краснею.

На нашу улицу поворачивает машина и, медленно покачиваясь на раздолбанном асфальте, едет к дому. Это винтажный BMW Лахлэна. Мотор стучит и ревет на подъеме.

Лайза вздергивает брови, мизинцем убирает чек глубже в карман джинсов и взваливает на плечо мешок с удобрением.

Хлопает дверца машины. Руки Лахлэна обнимают меня за талию, его бедро прижимается к моему бедру. Я поворачиваюсь в его объятиях и оказываюсь с ним лицом к лицу. Его губы скользят по моему лбу, по щеке, по шее.

– Ты в хорошем настроении, – говорю я.

Он делает шаг назад, расстегивает верхнюю пуговицу рубашки и утирает пот со лба.

Он заслоняет рукой лицо от солнца. Мой напарник – зверь ночной. Его прозрачные голубые глаза и бледная кожа больше годятся для темных местечек, чем для палящего лосанджелесского солнца.

– Да, но... Если честно, я жутко зол. Эфраим не явился.

– Что? Почему?

Эфраим все еще должен мне сорок семь тысяч долларов за вещи Алексея. «Может быть, мне не стоило давать Лайзе чек», – с тревогой думаю я.

Лахлэн пожимает плечами:

– Кто знает? Он и раньше так делал. Возможно, его прижали, он спрятался и не смог позвонить. Я оставил ему сообщение. Но я сегодня попозже собираюсь к себе, посмотрю, как там и что. Может быть, и к нему в магазин наведаюсь, когда буду на западе города.

– Ага.

Значит, Лахлэн собирается снова исчезнуть, пока у нас с ним не появится новая работа. Я не спрашиваю, когда он вернется. Этот вопрос лучше не задавать.

Что я знаю о Лахлэне: он вырос в Ирландии, в жуткой нищете, в одной из многодетных католических семей, где семеро по лавкам. Он решил, что выходом из этого прозябания для него может стать карьера театрального актера, и когда ему исполнилось двадцать лет, он приехал в Штаты и стал пробовать свои силы на Бродвее. Это было двадцать лет назад. Все, что случилось за это время до того дня, когда мы познакомились три года назад, покрыто мраком. В провалы, о которых он не желает говорить, пройдет грузовик с прицепом.

Но кое-что я все же знаю. Актер из него не получился. Он играл в массовках, в маленьких экспериментальных театрах Нью-Йорка и Чикаго. В итоге оказался в Лос-Анджелесе, и его уволили в первый же день – на съемках в одном фильме на независимой киностудии, – поскольку акцент у него оказался «слишком ирландским». Однако со временем Лахлэн обнаружил, что его актерский талант можно переместить в более доходную область деятельности, пусть и менее легальную. Он стал мошенником.

Лахлэн мне не очень понравился, когда мы познакомились, но со временем я поняла, что он – добрая душа. Человек, понимающий, что это такое – дрейфовать по краю жизни и приглядываться к берегу. Он знал, каково это – быть ребенком, который ест на ужин консервированные бобы и гадает, как живут те, у кого на ужин отбивная. Он верил, что золотой маяк искусства – в его случае, театр, а в моем – живопись и история искусства – озарит дорогу, которая выведет из безобразной жизни. Но очень скоро он понял, что поперек этой дороги стоят стены. Лахлэн очень хорошо понимал, почему о своем прошлом лучше не рассказывать.

Лахлэн – надежный напарник, но не очень хороший бойфренд. Мы можем сделать работу вместе и быть рядом столько, сколько нужно, но потом он исчезает на несколько недель и не отвечает ни по одному из своих телефонных номеров. Я знаю, что у него есть какая-то работа и без меня, но он ни за что не расскажет какая. Порой я просыпаюсь среди ночи и обнаруживаю, что он забрался в мою постель. Я всякий раз поворачиваюсь к нему и впускаю его внутрь себя.

Я не спрашиваю, где он был, я не хочу этого знать. И честно говоря, он слишком сильно нужен мне, поэтому я боюсь на него наезжать.

Люблю ли я его? Не могу четко сказать, что люблю, но и что не люблю, тоже четко ответить не могу. Вот что еще я знаю о нем: стоит ему прикоснуться рукой к моей коже – и я таю. А когда он входит в комнату, где я нахожусь, между нами словно бы электрический разряд проскакивает. Он единственный человек в мире, кто знает, кто я такая и откуда я взялась, и поэтому я беспомощна перед ним, а это и мучительно, и волнующе.

На свете есть огромное множество разновидностей любви, но вот этого блюда, этого вкуса в меню нет, и не вижу причины, почему не может быть и такой любви. Любовь может стать чем угодно, во что вы захотите обернуть это слово, лишь бы только двое договорились насчет терминологии.

Он сказал мне, что любит меня, через несколько недель после первой встречи. Я предпочла не верить ему.

А может быть, он просто очень хороший актер.

– Мне нужно забрать маму из клиники, – говорю я ему.

Я еду на запад под полуденным солнцем, к тем районам города, где чаще всего живут мои «клиенты». Рентгенологическая клиника находится в Западном Голливуде. Это приземистое здание, прилипшее, словно репей, к кварталу Седарс-Синай. Подъезжая, я замечаю свою мать, сидящую на ступенях перед входом в клинику. Она держит незажженную сигарету, бретелька сарафана сползла с ее плеча.

Я сбрасываю скорость, прищуриваюсь и внимательно смотрю на мать через лобовое стекло. Я въезжаю на парковку и размышляю о странных подробностях этого зрелища. Моя мать ждет меня снаружи, в то время как мы с ней договорились встретиться внутри клиники. У нее в руке сигарета, хотя она бросила курить три года назад. Взгляд у нее пустой, отсутствующий. Она часто моргает от яркого ноябрьского солнца.

Я останавливаю машину рядом с лестницей и опускаю стекло в дверце. Мать смотрит на меня и вяло улыбается. Слишком яркая розовая помада над ее верхней губой размазана.

– Я опоздала?

– Нет, – отвечает мать. – Мне уже все сделали.

Я смотрю на часы на приборной доске. Могу поклясться: мать сказала мне, чтобы я приехала за ней к двенадцати. Сейчас без семи минут двенадцать.

– А почему ты здесь? Мы же договорились встретиться внутри.

Она вздыхает и пытается выпрямиться. Сухожилия на ее руке, которой она опирается о ступеньку, болезненно напрягаются, когда она пробует встать.

– Не смогла там сидеть. Слишком холодно. Мне надо было выбраться на солнце. Да и закончили сканирование рано.

Мать открывает дверцу и торопливо садится на потрескавшееся кожаное сиденье. Ловким, почти незаметным движением руки она убирает сигарету в сумочку, лежащую на коленях. Вздвигает пальцами волосы и смотрит вперед:

– Поехали.

Моя мать, моя красавица мать... Господи, в детстве я ей просто поклонялась. Я так любила ее волосы, от них пахло кокосом, они отливали золотом на солнце... любила влажные прикосновения ее пухлых губ к моей щеке и отпечатки ее помады, эти знаки любви. Я любила прижиматься к ее груди. Мне казалось, что я могу пробраться через эту мягкую плоть и уютно спрятаться внутри мамы. Ее смех был подобен восходящей гамме, он рождался из воздуха, а смеялась она абсолютно над всем: над моей кислой физиономией, когда она давала мне на ужин замороженные корн-доги²⁰, и над тем, как конфискатор чесал свою огромную задницу, прицепляя нашу машину к тягачу. Мне нравилось даже то, как мама пряталась в ванной, когда квартирная хозяйка барабанила в дверь и требовала просроченную плату.

«Обязательно надо смеяться», – говорила мама и качала головой с таким видом, словно была беспомощна перед своей смешливостью.

Теперь моя мать больше не смеется. Из всего, что с ней случилось, именно это сильнее всего разбивает мне сердце. Она перестала смеяться в тот день, когда врач сообщил нам прогноз: мама не просто «устала», хотя она на этом упорно настаивала, а худела она не потому, что потеряла аппетит. У нее обнаружили неходжкинскую лимфому – рак, поддающийся лечению, но за очень большие деньги, и при этом имеющий мерзопакостное свойство возвращаться и начинаться как бы заново, и так почти до бесконечности.

Над таким особо не посмеешься, хотя моя мать и пыталась. «О детка, все нормально, я что-нибудь придумаю. В итоге все будет хорошо», – так она сказала, когда в первый день врач вышел из ее палаты. А потом взяла меня за руку, а я расплакалась. Мама старалась говорить весело, но я слышала ложь в ее словах.

²⁰ Сосиска, обжаренная в тесте из кукурузной муки.

Моя мать всегда жила так, словно она едет на поезде и ждет следующей станции: если тебе не понравилось там, где ты сошел, ты просто запрыгиваешь обратно в вагон и едешь дальше. Но в тот день в кабинете врача она узнала, что ее не только высадили из поезда на самой ужасной станции этой ветки, но что эта самая станция, очень возможно, конечный пункт ее поездки.

Это было почти три года назад.

И вот моя мать сейчас: волосы у нее все еще короткие – отросли после недавнего курса химиотерапии, – завитки стали жесткими. Когда-то она была блондинкой, а нынешний оттенок ее волос какой-то жалкий, близкий к отчаянию. Живот обвис, на боках под кожей просвечивают ребра. Ее нежные руки покрыты сеткой вен, и это заметно, невзирая на отвлекающий маневр в виде ярко-вишневого лака для ногтей. Худая, хрупкая, совсем не пышная и не блестящая. Ей сорок восемь, а можно подумать, что она на десять лет старше.

Сегодня она постаралась немного поработать над собой – надела сарафан, подкрасила губы. Это радует. Но я никак не могу избавиться от чувства, что чего-то не хватает. Я замечаю стопку листов бумаги, сложенных вчетверо и убранных в карман сарафана.

– Погоди... тебе выдали результаты? Что сказал врач?

– Ничего, – отвечает мать. – Он ничего не сказал.

– Чушь какая-то.

Я протягиваю руку и пытаюсь взять бумаги из кармана матери. Она отталкивает мою руку.

– Послушай, а давай съездим на педикюр, – предлагает она. – Что скажешь?

Голос у нее звучит фальшиво и липко, как у ребенка, сосущего леденец с аспартамом.

– Послушай, а давай ты мне расскажешь о результатах обследования.

Я предпринимаю еще одну попытку взять бумаги, и на этот раз моя мать не шевелится. Я беру документы из ее кармана, стараясь их не порвать. Мое сердце выстукивает тревожное стаккато, потому что я уже догадываюсь, что там. Я все понимаю по жалостному выражению лица матери, едва заметным темным кругам у нее под глазами, где размазалась тушь. Я все понимаю, потому что такова жизнь: стоит только решить, что ты добрался до финишной прямой, как видишь, что столбики с финишной лентой переставили, пока ты бежал и смотрел себе под ноги.

В общем, я пробегаю глазами заключение компьютерной томографии на нескольких страницах – непонятные графики, плотные абзацы, набитые медицинской терминологией, – и уже знаю, что увижу в итоге. И конечно, на последней странице – оно... Знакомые серые опухоли, их тени на срезах тела моей матери. Вот они, обвивают своими аморфными пальцами ее селезенку, желудок, позвоночник.

– Рецидив, – негромко говорит мать. – Снова.

У меня мерзко сосет под ложечкой. Как мне знакомо это чувство беспомощности.

– О боже. Нет. Нет-нет-нет...

Мать забирает у меня документы и аккуратно складывает их вчетверо.

– Мы же знали, что это может случиться, – тихо говорит она.

– Нет, не знали. Последний курс лечения должен был стать успешным, так говорил доктор, поэтому мы и... Господи, я не понимаю... – Я умолкаю, не закончив фразу, потому что не это я хочу сказать, но первая мысль у меня такая, что нам всучили чужой заказ.

«Но он же говорил... – думаю я, как капризный ребенок. – Это нечестно!»

Я завожу машину на стоянку:

– Я пойду и поговорю с врачом. Тут какая-то ошибка.

– Не надо, – говорит мама. – Пожалуйста. Я все обсудила с доктором Готорном, и у нас уже есть план. На этот раз он хочет попробовать радиоиммунотерапию. Есть какое-то совсем новое лекарство, кажется, оно называется «адвекстрикс», его только что одобрило FDA, результаты клинических испытаний очень хорошие. Лучше, чем при пересадке стволовых кле-

ток. Он считает меня хорошим кандидатом. – Негромкий смех. – Есть плюс: в этот раз я не облысею. Тебе не придется видеть меня похожей на бильярдный шар.

– О мама. – Я вымученно улыбаюсь. – Мне совершенно все равно, как выглядят твои волосы.

Она решительно смотрит вперед через лобовое стекло, на машины, мчащиеся по бульвару Беверли.

– Лекарство. Оно жутко дорогое. Моя страховка его не покрывает.

«Ясное дело, не покрывает».

– Я что-нибудь придумаю.

Мать смотрит на меня искоса, моргает. Ее ресницы с комками туши слиплись.

– Одна упаковка стоит порядка пятнадцати тысяч долларов. А упаковок понадобится шестнадцать.

– Ты только насчет этого не переживай. Переживай насчет того, чтобы снова поправиться. Об остальном я позабочусь. Верь мне.

– Я верю. Ты единственный человек, кому я верю, ты это знаешь. – Мать смотрит на меня. – О милая, не расстраивайся так. Самое главное – это то, что мы с тобой есть друг у друга. Только это у нас тобой и было всегда.

Я киваю и беру маму за руку. Я думаю о счете, который лежит у меня дома на письменном столе. Это счет за последний курс лечения матери, и оплатить его я собиралась за счет денег, которые жду от Эфраима. Это уже третий рецидив неходжкинской лимфомы. Более чем скромная страховка матери только частично покрыла первый курс лечения (базовую химиотерапию), а второй курс (агрессивную пересадку стволовых клеток) страховка не покрыла вообще, но сдержала рост опухолей на год с лишним. Не так давно я подсчитала, сколько всего денег истрачено на лечение матери. Мы приближались к большой шестизначной цифре. А этот рецидив – третий по счету – запросто выведет нас к цифре семизначной.

Мне хочется кричать. По идее, трансплантация стволовых клеток дает успешный результат у восьмидесяти двух процентов пациентов, поэтому я восприняла ремиссию как гарантию удачи, потому что каков был шанс, что моя мать окажется в числе восемнадцати процентов? Разве не поэтому я кивнула, хоть и не в силах была моргнуть, увидев чек на громадную сумму за трансплантацию клеток? Разве это не было оправданием тому, чему я себя посвятила в последние несколько лет?

«Ведь мы почти выздоровели!» – вот что я говорю себе теперь, включая мотор и выезжая на улицу. Только тогда, когда мать прикасается прохладной рукой к моей руке и сует мне платочек, я понимаю, что плачу. Правда, я не совсем понимаю, о чем эти слезы: о маме, о невидимых опухолях, пожирающих ее изнутри, или о моем собственном будущем – о том, каким туманным оно снова выглядит.

Мы с матерью едем домой и почти не разговариваем. Тяжелым камнем лежит между нами ее диагноз. А у меня мысли мечутся: что теперь, как все будет теперь? Приобретение лекарств – это ведь только часть лечения, а на самом деле этот курс наверняка обойдется в полмиллиона. И что противно, у меня на примете нет новых «клиентов». Как я была наивна, думая, что смогу заняться чем-то совершенно другим. И вот теперь я мысленно пробегаю взглядом лица, которые отметила для себя в социальных сетях – всяких князьков и новоявленных знаменитостей, завоевывающих себе место в Беверли-Хиллз. Я пытаюсь вспомнить подробную инвентаризацию их имущества в Инстаграме – они всегда это делают сами. Я думаю об этом, и внутри меня вспыхивает маленькая гневная искорка. Эта злость помогает мне преодолеть накопившуюся усталость. «Ну, вот мы и снова в деле».

Когда мы подъезжаем к дому, я с удивлением замечаю, что машина Лахлена стоит на моей подъездной дорожке. Я припарковываюсь и вижу, что шевелится штора в окне. За стеклом мелькает его белое лицо – и он исчезает.

Мы входим в дом, и я обнаруживаю, что свет не горит и все шторы задернуты. Всюду полумрак. Я щелкаю выключателем и вижу Лахлена. Он стоит у двери и часто моргает из-за яркого света. Он поспешно выключает свет и оттаскивает меня от двери.

Моя мать медлит на пороге позади меня.

Лахлен смотрит на нее через мое плечо:

– Красотка Лили, все хорошо? Как прошло обследование?

– Не очень хорошо, – отвечает моя мать. – Но говорить об этом сейчас у меня желания нет. А почему тут свет выключен?

Лахлен пристально смотрит на меня. На его лице тень тревоги.

– Нам надо поговорить, – тихо произносит он, берет меня за локоть и ведет в угол гостиной. – Лили, вы не возражаете? Мне надо с Ниной наедине поговорить?

Мать кивает и с ледяной медлительностью идет к кухне. Ее глаза сверкают от любопытства.

– Приготовлю всем ланч, – говорит она.

Как только мы оказываемся там, где мать нас не услышит, Лахлен притягивает меня к себе и шепчет мне на ухо:

– Здесь была полиция.

Я отшатываюсь:

– Что? Когда?

– Всего час или два назад. Вскоре после того, как ты поехала за мамой.

– Что им было нужно? Ты с ними говорил?

– Господи, нет, я же не идиот. Я спрятался в ванной, дверь им не открыл, понятно? Но искали они тебя. Я слышал, как они спрашивали у соседки, здесь ли ты живешь.

– У Лайзы? И что она им ответила?

– Сказала, что не знает, как тебя зовут. Она молодчина.

«Спасибо, Лайза», – думаю я.

– А они ей не сказали, о чем хотят поговорить со мной?

Лахлен качает головой.

– Ну, если бы это было что-то серьезное, они бы не стали вежливо стучать в дверь. – Голос у меня дрожит. – Правильно?

Я оборачиваюсь и вижу, что рядом с нами стоит моя мать. Она держит тарелку с крекерами и смотрит то на меня, то на Лахлена. Тут я понимаю, что мы говорили слишком громко.

– Что ты натворила? – спрашивает мать.

Я мгновенно умолкаю. А что я могу сказать?

Три года, пока моя мать была слишком слаба и не могла работать, семью поддерживала я. Мы с ней знаем, что я частный специалист по антиквариату и обеспечиваю жилища хипстеров в восточных районах города мебелью середины двадцатого века – дизайнерской скандинавской и бразильским модерном. Для прикрытия у меня есть магазинчик с витриной десять на двадцать футов в Хайленд-Парке²¹. В витрине несколько пыльных предметов мебели работы шведского дизайнера Торбьорна Афдала, а рядом табличка с надписью: «Только по предварительной договоренности». Несколько раз в неделю я езжу в магазин и сижу там в тишине, читаю романы и изучаю Инстаграм в ноутбуке. Этот магазин для меня вдобавок способ отмыть деньги, которые я добываю другим, менее легальным путем...

²¹ Исторический район на северо-востоке Лос-Анджелеса.

В общем, я делаю вид, будто бы каким-то образом получаю по двадцать процентов комиссии за какой-нибудь шкафчик и эта комиссия выражается в шестизначной цифре, с помощью которой мы покрываем и расходы на жизнь, и огромные траты на лечение матери, и немалые выплаты по кредиту, взятому для платы за мое обучение. Не очень правдоподобно, но не так уж невозможно. И все же моя мать наверняка догадывается о правде. В конце концов, она ведь и сама мошенница – точнее, конечно, *бывшая* мошенница, карточная шулерша, – и это она познакомила меня с Лахлэном.

Моя мать и Лахлэн познакомились во время игры в покер с очень высокими ставками. Это было четыре года назад, когда мать еще могла работать. «Шулер шулера узнает с первого взгляда», – так мне это объяснил Лахлэн. Профессиональное уважение переросло в дружбу, но, правда, Лили заболела до того, как им удалось повернуть вместе хоть одно дельце. К тому времени, когда мать вызвала меня в Лос-Анджелес, она уже едва с постели вставала. На помощь ей пришел Лахлэн.

По крайней мере, так мне говорит он. Мы с матерью род занятий Лахлэна вообще не обсуждаем. Это отложено в сторону вместе с другими неприкасаемыми темами, вроде семьи, неудач и смерти.

Так что, конечно, мать гадала, не сделал ли Лахлэн и меня мошенницей. Конечно же она догадывалась, что мы порой исчезаем на всю ночь не для того, чтобы где-то потусоваться. Но вокруг этой темы мы ходим на цыпочках, осторожно идем по зыбкой линии, отделяющей притворство от добровольной слепоты. Даже если моя мать догадывается о правде, я ни за что не смогу открыто признаться ей во всем. Не вынесу, если мать во мне разочаруется.

И вот теперь я гадаю, не была ли я идиоткой, думая, что сумею ее обмануть. Судя по выражению ее лица, она точно знает, зачем в нашу дверь стучались полицейские.

– Ничего я не натворила, – поспешно отвечаю я. – И не волнуйся, пожалуйста. Я уверена, это какая-то ошибка.

Но я прекрасно вижу по бегающим глазам матери, что она волнуется. Она смотрит за мое плечо, на Лахлэна. Ее взгляд становится другим. Она что-то прочла в его глазах. – Ты должна уехать, – строго говорит мать. – Прямо сейчас. Уезжай из города, пока они не вернулись.

Я смеюсь. Уехать. Ну конечно.

Уж в чем моя мать была большим специалистом, пока я росла, так это в отъездах. Первый раз мы с ней уехали ночью, когда она выгнала моего отца из квартиры, угрожая ему охотничьим ружьем. Мне тогда было семь лет. По моим подсчетам, до того времени, как я закончила школу, мы успели переехать раз двенадцать. Мы уезжали, не сумев заплатить за квартиру, и тогда, когда на пороге появлялась ревнивая жена. Мы уезжали, когда полиция устраивала облаву в казино и мою мать вызывали на допрос, и тогда, когда мать боялась, что ее арестуют, если мы останемся. Мы уезжали, когда удача отворачивалась от нас, и тогда, когда матери просто переставало нравиться там, где мы жили. Мы уехали из Майами, Атлантик-Сити, Сан-Франциско, Лас-Вегаса, Далласа, Нового Орлеана, с озера Тахо. Мы уезжали даже тогда, когда мать обещала мне, что больше мы никогда никуда не уедем.

– Я не брошу тебя, мама. Не говори глупостей. У тебя *рак*. Я нужна тебе, чтобы ухаживать за тобой.

Я жду, что она расплачется и смягчится, но ее лицо каменеет, становится холодным.

– Ради Бога, Нина, – тихо говорит она. – Ты мне ничем не поможешь, если окажешься в тюрьме.

Я вижу в глазах матери разочарование и даже гнев. Я подвела ее, и теперь нам обоим придется за это платить. Впервые с того момента, как я приехала в Лос-Анджелес, мне по настоящему страшно из-за того, во что я превратилась.

Глава четвертая

Нина

Итак, я мошенница. Вы можете сказать, что яблоко от яблони недалеко падает, ведь я происхожу из рода карманников и мелких воришек, хулиганов и отпетых преступников. Это так, но меня не для этого растили. У меня было будущее. По крайней мере, так мне сказала мать, когда однажды поздно ночью застала меня за чтением книги «Гордость и предубеждение» (с фонариком под одеялом). «У тебя есть будущее, детка, у первой в нашей семье». Потом по ее команде я выступала перед мужчинами, ее гостями, производя в уме длинные подсчеты с большими цифрами, а они потягивали мутный мартини на нашем бугристом диване. «Правда, моя дочка очень умная? У нее есть будущее». Когда я сказала матери, что хочу поступить в университет, но знаю, что мы не можем этого себе позволить, она сказала: «За деньги не переживай, милая. Речь о твоём будущем».

И тогда я ей даже поверила. Купилась на «великую американскую мечту», на пуританский идеал: «Склонись к жернову – и добьешься успеха». В то время я думала, что игровое поле ровное, а потом узнала, что оно вовсе не плоское и что на самом деле для большинства людей, не родившихся в привилегированном мире, игровое поле представляет собой крутой подъем, а ты в самом низу и пытаешься вскарабкаться наверх, в то время как к твоим лодыжкам привязаны тяжеленные булыжники.

Но моя мать умела делать так, что ты ей верил. Это был ее великий дар, ее милая ложь. Она умела уставиться на мужчину своими невинными глазками – большими и синими, как весеннее озеро, – и убедить его в чем угодно. Она могла сказать, что чек вот-вот придет, что ожерелье в ее сумочке оказалось случайно, по ошибке, что она любит его так, как никто никого никогда не любил.

На самом деле по-настоящему она любила только меня, уж это я знала точно. Мы с ней вдвоем противостояли всему миру. Так это стало с того дня, когда она выгнала моего отца. Поэтому я всегда верила, что мне моя мама лгать не может насчет того, каким человеком я стану.

А может быть, она и не лгала мне – по крайней мере, не лгала намеренно. На самом деле она обманывала *себя*.

Пусть моя мать была мошенницей и при этом артисткой своего дела, но циником она не была. Она верила, искренне верила в великие возможности жизни. Мы с ней всегда стояли на пороге грандиозной удачи, даже тогда, когда подметки моих туфель нужно было подклеивать изолентой, даже тогда, когда мы три недели подряд ели на ужин печеную картошку. А когда эти удачи приходили – когда мать выигрывала в казино крупную сумму или подцепляла богача, – о, тогда мы жили по-королевски. Мы ужинали в ресторанах гостиниц, на нашей подъездной дорожке стоял красный кабриолет, а на капоте машины красовался домик для Барби с бантом. И что с того, что мать не умела экономить и откладывать деньги, что она никак не ожидала, что этот красный кабриолет увезет конфискатор? Кто мог винить ее за это? Она верила, что жизнь сама о нас позаботится, да так оно всегда и получалось, вплоть до того момента, когда вышло иначе.

Моя мать была миловидна, но красавицей не была, однако ее внешность таила в себе нечто опаснее красоты. Она была наделена сексуальной невинностью котенка, а к этому прилагались просто-таки детская кожа цвета летнего персика, огромные синие глаза и волосы, которые она лишь чуть-чуть осветляла. Ее фигура балансировала между пышностью и стройностью. Мать старательно следила за этим равновесием. Однажды я услышала, как один стар-

шекласник в Вегасе назвал ее «Сиськи Мак-Ги». Но я показала ему средний палец, и больше он уже так не говорил о моей матери.

По-настоящему ее звали Лилия Руссо, но чаще всего она называла себя Лили Росс. Она была итальянкой, ее семья была связана с мафией – по крайней мере, мать так говорила. Я об этом ничего не знала – ни разу не видела дедушку с бабушкой. Они напрочь отказались от моей матери, когда она родила ребенка (меня), не будучи замужем, от колумбийца, игрока в покер. (Точно не знаю, какой грех был непростительным: ребенок, отсутствие обручального кольца или то, из какой страны был родом любовник матери.) Как-то раз мать сказала мне, что мой дед был наемником мафии в Балтиморе и лично прикончил полдюжины человек. Похоже, мать не желала знаться с родителями так же, как они с ней.

Первые годы моей жизни правила диктовал мой отец, чья карьера карточного игрока вынуждала нас жить наподобие перелетных птиц, и мы кочевали с места на место в зависимости то от времени года, то от невезения отца. Когда я думаю о нем теперь, мне чаще всего вспоминается лимонный запах его лосьона после бритья, а еще как он брал меня под мышки и подбрасывал так высоко, что мои волосы задевали потолок, а он смеялся над тем, как я визжу от испуга, а мать возмущенно кричит. Отец был больше похож на вышибалу, чем на картежника.

В те годы мать время от времени работала, чаще всего официанткой, но главным ее занятием было то, что она оберегала меня от отца: закрывала баррикадами из мебели дверь в мою комнату, когда отец являлся домой пьяным, вставала на пути его кулаков, чтобы побои не достались мне. Как-то раз среди ночи, когда мне было семь лет, матери не удалось прикрыть меня, и отец с такой силой ударил меня о стену, что я на какое-то время потеряла сознание. А когда я пришла в себя, рядом со мной была мать. По ее лицу текла кровь, и она целилась из охотничьего ружья в пах отца. Ее голос, обычно легкий, как перышко, стал убийственно жестким: «Еще раз тронешь ее, клянусь, я тебе яйца отстрелю. А теперь убирайся отсюда вон и не возвращайся».

И он ушел. Уплелся, как побитый пес, поджав хвост. А наутро, еще до рассвета, мать собрала вещи и сложила в багажник машины. Мы ехали из Нового Орлеана во Флориду, где у матери «был друг, у которого был друг». Она вдруг повернулась ко мне и схватила за руку. «У нас с тобой есть только ты и я, – хрипло выговорила мать. – И я больше никогда никому не дам тебя ударить. Клянусь».

И не дала. Когда мальчишка, живший по соседству с нами, украл мой велосипед, мать вышла во двор и прижала мальчишку к стене. Она держала его до тех пор, пока он не расплакался и не сказал, где спрятал мой велик. А когда девочки в классе стали дразнить меня из-за того, что я толстая, мать пошла домой к каждой из них и хорошенько поорала на их родителей. Ни один учитель не мог поставить мне плохую отметку, не встретившись после этого с моей разъяренной мамочкой на парковке.

А когда какой-то вопрос не решался путем ссоры, мать прибегала к крайнему способу. «Ладно, – говорила она, – давай-ка уедем отсюда и начнем все заново в другом месте».

Бегство от отца имело непредвиденные последствия. Мать не могла платить по счетам, лишь время от времени работая официанткой. И тогда она занялась единственной работой, которая ей была знакома. Преступной деятельностью. Коньком моей матери было мягкое принуждение. Она пользовалась соблазнением как средством получения доступа к кредитной карте, банковскому счету, небольшим суммам наличных денег, с помощью которых можно было заплатить за квартиру. Она выбирала женатых мужчин, неотесанных невеж, так боявшихся своих женушек, что они не стали бы заявлять в полицию из-за внезапной пропажи пяти тысяч долларов с банковского счета. Порой она заводила шашни с людьми могущественными, настолько самоуверенными, что они и помыслить не могли о том, что их способна обвести вокруг пальца женщина, а уж тем более открыто в этом признаться. Думаю, таким образом мать

мстила всем мужчинам, когда-либо ее недооценившим: учителю английского, который унижал ее в старших классах школы, отцу, отказавшемуся от нее, и мужу, поднимавшему на нее руку.

Когда у нее не было никого на примете, она торчала в казино, останавливалась около игровых столов и ждала своего шанса. Иногда мать одевала меня в лучший наряд – синий бархат, розовая тафта, колючие желтые кружева (это платье она купила на распродаже со скидкой) – и водила меня во всякие сверкающие мишурой дворцы, где она занималась своим делом. Она оставляла меня в ресторане казино с какой-нибудь толстенной книжкой и чеком на десять долларов. Официантки баловали меня орешками с барной стойки и шипучими апельсиновыми напитками, а в это время моя мать совершала обход территории. Если вечер был спокойный, мать брала меня с собой и показывала, как незаметно вытащить бумажник из кармана пиджака или кошелек из дамской сумочки, висящей на спинке стула. При этом она еще давала мне маленькие советы: *«Оттопыренный карман лучше открытой сумочки. У мужчин самолюбие равно размеру бумажника, а женщины считают личность слишком громоздкой»*. Или: *«Не торопись. Всегда жди шанса, но ничего не делай, пока не просчитаешь на три хода вперед»*.

«Не такие уж большие деньги, – шептала она, проворно пересчитывая купюры в туалете казино. – Но их хватит, чтобы оплатить кредит за машину. Неплохо же, правда?»

Когда я была маленькая, это казалось мне нормальным. Такая вот была у мамы работа. Родители других детей мыли полы, счищали камень с чужих зубов или сидели в офисах и что-то печатали на клавиатуре компьютера. А моя мать ходила в казино и крада деньги у незнакомых людей. И честно говоря, она занималась тем же самым, что делали хозяева этих казино. Ну, по крайней мере, она мне так говорила. *«В мире есть два вида людей: те, которые ждут, что все к ним придет само, и те, которые сами берут, что хотят»*. – Она крепко обнимала меня, и ее накладные ресницы задевали мою щеку, и от ее кожи пахло медом. – *А у меня ждать времени нет»*.

Моим миром была моя мама, а ее тело было единственным домом, который я знала. Она была единственным местом, которое было для меня родным в мире, где все прочее непрерывно менялось, где «подружками» были девочки, от которых ты уезжала и которые превращались в имена на открытках. Я не виню мать – не виню и теперь – за мое жалкое детство. Мы так часто переезжали не потому, что она старалась быть хорошей матерью, а потому, что она старалась *слишком сильно*. Она всегда верила, что на следующей остановке будет лучше и для нее, и для меня. Вот почему мы не общались с ее родителями, почему убежали от моего отца: потому что она защищала меня.

В подростковом возрасте я, можно сказать, скользила по школе, стараясь делать себя невидимкой. Всегда сидела на задней парте и читала романы, которые прятала между страницами учебников. Я была толстая, у меня были волосы всех цветов радуги, я одевалась в агрессивном стиле «эмо»²². Все это отталкивало от меня потенциальных подружек, хотя и не давало поголовно всем отвергать меня полностью. Я развила в себе идеальные стадии лицемерия и вела себя так, что меня невозможно было не замечать совсем, но особого внимания к своей персоне я не привлекала. Но в девятом классе²³, когда я ходила в громадную, старую, потрескавшуюся бетонную школу в Лас-Вегасе, учитель английского наконец заметил мой «скрытый потенциал» и вызвал мою мать для беседы. И меня вдруг отправили на загадочные тесты, результаты которых мать мне не показывала, но из-за этого она ходила по квартире, строптиво поджав губы. На столах и тумбах высились стопки бумаг. Мать наклеивала марки на пухлые конверты с видом победительницы. Для меня было запланировано новое будущее.

²² Молодежная субкультура начала двухтысячных годов.

²³ В американской школе старших классов (high school) четыре ступени – freshman, sophomore, junior, senior. В школу старших классов школьники переходят после семи лет обучения. Все обучение длится двенадцать лет, и для удобства русского читателя проще называть эти ступени, соответственно, девятым, десятым, одиннадцатым и двенадцатым классами.

Как-то раз весенним вечером, к концу девятого класса, мать вошла ко мне в спальню как раз перед тем, как я собиралась выключить свет. Она села на край моей кровати, одетая в вечернее платье, бережно взяла у меня книгу, которую я читала, и заговорила со мной тихим голосом, почти шепотом:

– Нина, детка, нам пора всерьез подумать о твоём будущем.

Я рассмеялась:

– То есть ты хочешь спросить, кем я хочу стать, когда вырасту – астронавтом или балериной? – Я потянулась за книгой.

Мать книгу не отдала:

– Я говорю абсолютно серьезно, Нина Росс. Ты не будешь жить так, как я, понятно? А это может случиться, если мы не начнем пользоваться теми возможностями, которые открываются перед тобой.

– А что плохого в том, чтобы жить, как ты?

Я задала этот вопрос, прекрасно понимая, что имеет в виду мать. Я знала, что мамы не должны где-то пропадать всю ночь, а потом спать весь день, не должны обшаривать соседские почтовые ящики в поисках кредитных карточек и новых чековых книжек, не должны быстро набивать вещами багажник и уезжать из-за того, что им «на хвост» сели местные власти. Я любила маму, я ей все прощала, но, сидя на бугристой кровати в нашей последней квартире, кишевшей тараканами, я вдруг поняла, кто не хочу быть такой, как она. Больше не хочу. Я поняла, каково мне на самом деле, когда я иду рядом с ней по коридорам школы, а учителя смотрят на мамины обтягивающие платья и высоченные каблуки, на гриву выбеленных перекисью волос и губы, подкрашенные помадой вишневого цвета. Это было желание не быть такой, как она.

Но кем же я хотела быть?

Мать смотрела на книгу и размышляла над названием. Книга называлась «Большие надежды»²⁴. Учительница английского языка подарила ее мне незадолго до того, как отправила меня на тестирование. «Выдающийся интеллект» – вот какой был результат моего тестирования на IQ. Можно стать кем угодно. Кем угодно – это больше, чем никчемная мошенница.

– Значит, я смогу стать балериной?

Мать одарила меня гневным взглядом:

– Мне в жизни не выпадало такой возможности, а тебе она выпала, так что, черт побери, ты ей воспользуешься. В общем, мы переезжаем. Да-да, *опять*. Но есть школа с подготовкой к поступлению в университет. Сьерра-Невада, Тахо-Сити. И там нам предлагают финансовую поддержку. Мы переедем туда. Ты будешь учиться, а я найду работу.

– Нормальную работу?

Мать кивнула:

– Нормальную. Я уже нашла работу распорядительницы в одном из тамошних казино.

Но хотя внутри меня что-то запрыгало и заплясало, когда я услышала эти слова – может быть, мы в конце концов станем нормальной семьей! – закоренелый пятнадцатилетний циник не дал мне в это поверить.

– И что же? Я прошла тестирование, и теперь ты думаешь, что я в один прекрасный день поступлю в Гарвард? А потом стану первой женщиной – президентом США? Ну, скажи!

Мать отсела от меня подальше и посмотрела на меня такими честными синими глазами, большими, как серебряные доллары, и спокойными, как лунная ночь:

– О детка. А почему бы и нет?

Не стоит говорить о том, что первой женщиной – президентом США я не стала. И астронавтом не стала, и треклятой балериной.

²⁴ Роман Чарльза Диккенса.

Вместо всего этого я поступила в университет (не в Гарвард в итоге и даже не близко к этому) и получила диплом искусствоведа. Эта история закончилась для меня шестизначной цифрой кредита, выданного для оплаты обучения, и бумажкой, согласно которой я никак не могла устроиться на хорошо оплачиваемую работу. И я поняла, что своим умом и честным трудом мне к другой жизни не пробиться.

Так разве стоит удивляться тому, что я стала мошенницей?

Глава пятая

Нина

– Твоя мать права. Нам нужно уехать. Сегодня.

Ближе к вечеру мы с Лахлэном забрались в самый темный уголок безымянного голливудского спортивного бара. Мы шепчемся, чтобы никто нас не подслушал, хотя, кроме нас, в этом баре только компания болельщиков в футболках своего клуба, и они слишком сильно пьяны, чтобы обращать на нас внимание. На уйме телеэкранов идут трансляции разных спортивных игр.

– Просто уедем из города ненадолго, пока не узнаем, что происходит.

– Но может быть, ничего и не происходит, – возражаю я. – Может быть, все это к нам никакого отношения не имеет. Может быть, полиция приезжала, потому что... Да мало ли что. Может быть, что-то связанное с застройкой района. Или где-то поблизости совершено преступление... и нас хотели предупредить.

Лахлэн смеется:

– Дорогая, это мы с тобой преступники. – Он сжимает кулаки и стучит друг о друга костяшками пальцев. – Слушай, после того как приезжали копы, я сделал пару-тройку звонков. Эфраим исчез. С прошлой недели его никто не видел, по телефону он до сих пор не отвечает. Ходят слухи, что его сцапали копы. Поэтому...

– Он мне должен сорок семь тысяч долларов! – протестую я. – И у него на хранении еще несколько вещей, которые он собирался толкнуть для нас. Кресла от Джио Понти... Он сказал, что каждое из них может уйти за пятнадцать штук. Лахлэн облизывает пересохшие губы кончиком языка:

– Ну, это самая маленькая из наших проблем. Полиция наведлась *к тебе*. То ли Эфраим нас сдал, то ли твое имя было в списке его контактов, и теперь копы ищут информацию. Так или иначе, нам нужно свинтить из города на время, пусть пыль уляжется. А если до нас дойдут слухи, что изданы ордера на наш арест, мы поймем, что бежать надо всерьез, но тогда мы хотя бы к этому будем готовы.

– Нам придется удариться в бега? – У меня кружится голова. – Но это невозможно. Я должна заботиться о Лили.

– Насчет этого твоя мать права. Ты ничем не сможешь ей помочь, если окажешься за решеткой.

Лахлэн распрямляет пальцы и принимается щелкать ими. Тянет один за другим. Пальцы издают противные щелчки.

– Послушай, давай просто сделаем передышку и поработаем где-нибудь еще. В ЛА сейчас слишком жарко, так что сейчас работать здесь, так или иначе, мы не сможем. Не повредит поискать новые охотничьи угодья, хотя бы на несколько месяцев.

Лахлэн щелкает мизинцем. Я вздрагиваю и морщусь:

– На несколько месяцев?

Я думаю о том, как рак снова растягивает свои крадущиеся щупальца по телу моей матери. Представляю, как она лежит одна-одинешенька на больничной кровати, а к ее вене тянется трубочка капельницы, и тихо жужжат приборы. Мне хочется сказать что-то наподобие «*Я на это не подписывалась*», но это неправда. Именно на это я и подписалась, именно в это я поверила – я поверила, что Лахлэн знает, что делает, и что нас никогда не поймают. Мы работали осторожно. Никогда не брали слишком много даже тогда, когда могли. *Правила* – они должны были работать нашими телохранителями.

Лахлэн холодно смотрит на меня:

– Или мы можем разойтись. Тебе решать. Но я из города уезжаю.

Я просто потрясена холодным расчетом, веющим от его слов. Неужели я для него только деловое предложение, от которого очень легко отказаться, как только я стала неудобна? Я даже спиртное допить не могу.

– Я думала...

Я не знаю, как закончить фразу. Что я думала? Что мы будем вместе навсегда? Останемся вдвоем, купим домик на окраине, родим ребенка, а то и двоих? Нет, таких планов не было никогда. Тогда почему мне так больно? *«Потому что у меня больше никого нет»*, – осознаю я.

– О, перестань, Нина, дорогая. И не смотри на меня так. – Лахлэн протягивает руку через столик, сплетает свои пальцы с моими. – Все будет хорошо. Послушай, поехали со мной. Обещаю, я что-нибудь придумаю. Мы переберемся куда-нибудь не слишком далеко, чтобы ты время от времени могла возвращаться сюда и навещать мать. Куда-то, чтобы можно было добраться на машине... в Северную Калифорнию или Неваду. Но нужно уйти немного в сторону от хоженной тропы, чтобы мы с тобой могли залечь. Может быть, на каком-то курорте типа Монтерея или Напа. – Он сжимает мою руку. – Или... послушай, а как насчет озера Тахо? Там все миллиардеры из Кремниевой долины проводят выходные, верно? Ты в тех краях никого не выследила?

А я думаю о том, что должно будет случиться, если я уеду из города: придется нанять сиделку, чтобы она ухаживала за мамой, когда она будет слаба после лечения, а еще водителя, который будет возить маму на консультации и обратно. Я думаю об умопомрачительных счетах, которые нужно будет оплачивать. Это если у меня будут деньги, чтобы оплачивать эти счета. Жизнь моей матери на грани: если на нашем банковском счете будет недостаточно денег, никакую экспериментальную радиоиммунотерапию не начнут. У меня и в самом деле нет выбора.

Нам нужна работа быстрая, с большим доходом. Мои мысли цепляются за то, что только что произнес Лахлэн: озеро Тахо.

Возле стойки возникает потасовка. Я оборачиваюсь и вижу, как одного из футбольных болельщиков тошнит на пол. Его дружки гогочут, будто это очень смешно. Барменша, девушка-блондинка с руками, татуированными до запястья, встречается со мной убийственным взглядом. Я прекрасно знаю, что убирать за этими мужланами придется ей. Женщинам всегда достается такая работа.

Я поворачиваюсь к Лахлэну:

– На самом деле, есть у меня кое-кто на примете. Про Ванессу Либлинг слышал?

Ванесса Либлинг. Имя и лицо, за которыми я следила двенадцать лет, хотя в социальных сетях эта женщина материализовалась только четыре года назад. Наследница клана Либлингов с Западного побережья, одного из семейств с так называемыми «старыми» деньгами. У таких людей пальцы увязли во множестве пирогов – от недвижимости до казино. Но Ванесса, вместо того чтобы войти в семейный бизнес, сделала карьеру «инфлюенсера моды Инстаграма». Скажу проще: она путешествует по миру и фотографируется в платьях, которые стоят больше годового дохода мастеров, сшивших их. Результат этой сомнительной профессиональной деятельности (нарядиться в платья от «Балмейн» в Бахрейне, от «Прада» – в Праге, от «Селин» – в Копенгагене) таков: у Ванессы полмиллиона последователей. А свой канал в Инстаграме она назвала «V-Life» – «Победная жизнь».

Изучите ее канал в Инстаграме, как я, внимательно – и вы увидите, что самые ранние публикации в ее аккаунте выглядят совершенно стандартно для девицы-богачки: милые (правда, довольно расплывчатые) фотографии новой сумочки от Валентино, селфи крупным планом, где она обнимает свою собачку породы мальтипу²⁵ по кличке мистер Багглз, случайный снимок

²⁵ Помесь той-пуделя с мальтийской болонкой.

горизонта в Нью-Йорке из окна лофта в районе Трибека²⁶. А потом, примерно пятьдесят постов спустя, явно осознав способность изменить карьеру, став знаменитостью Инстаграма, Ванесса вдруг резко изменяет качество своих снимков. Внезапно это уже не селфи. Фотографии явно делает кто-то другой, возможно, фотограф-ассистент, которому Ванесса платит за то, что тот документирует каждую смену ее нарядов и каждый глоток макиато²⁷. Вот Ванесса, шагающая по Сохо с мистером Багглзом и связкой шаров, накачанных гелием. А вот Ванесса в первом ряду на показе мод от Шанель. А вот она в красном шелковом платье, позирует рядом с кривоzubым продавцом клейкого риса в Ханое. (*Вьетнамцы такие яркие и настоящие! Платье от #gucci, сандалии от #valentino.*)

Зачастую Ванесса отправляется в разные экзотические места в компании с другими дорого одевающимися женщинами. Эту сеть своих последовательниц-инфлюенсеров она назвала #stylesquad – «модотрядом». Сотни – и даже тысячи! – женщин в Инстаграме занимаются тем же самым. А Ванесса, не будучи ни самой знаменитой, ни самой ослепительной, свою публику все же нашла. И ее доходы начинают расти, как только она начинает в постах спонсоров рекламировать линейки ювелирных украшений и зеленые соки в бутылках.

Появляется красавчик бойфренд, чаще всего на снимках они страстно обнимаются, словно бы для того, чтобы последователи образа жизни Ванессы видели, как сильно ее избранник ее обожает. У песика появляется собственный хэштег. Ванесса тем временем становится все стройнее и стройнее, ее загар – все темнее, а волосы – все светлее. Со временем на безымянном пальце Ванессы возникает колечко с бриллиантом, и она, позируя перед камерой, кокетливо разглядывает свои пальцы. «*Ребята, пишет она, – у меня есть новость!*» Затем фотографии интерьера эксклюзивного салона для новобрачных, Ванесса разглядывает флердоранж для фаты. Подпись: «*Думаю, выберу пионы.*»

А потом, в феврале прошлого года, тональность ее аккаунта резко меняется. Снимок крупным планом: старческая мужская рука с возрастными «печеночными» пятнами на краю больничной кровати. Подпись: «*Мой бедный папочка, покойся с миром.*» Затем на протяжении нескольких недель ничего, кроме одной-единственной краткой публикации: «*Ребята, простите, семейные дела, скоро вернусь.*» Когда Ванесса возвращается, ее снимки в разных нарядах (в основном в черных) снабжены обтекаемыми оптимистичными штампами: «*Жизнь такая невозможная, но в ней возможна я! Вы должны стараться стать лучшими единственного человека – того, каким вы были вчера. Счастье – это не что-то готовое, вы его создаете сами.*»

Кольцо с левой руки Ванессы исчезает.

И вот, наконец, появляются снимки интерьера ее лофта на Манхэттене. Никакой мебели, горы коробок на полу. «*Ребята, настала пора новых приключений. Я переезжаю в старинный загородный дом моей семьи на озере Тахо. Я намерена отремонтировать этот дом. Поживу для себя на лоне Матери-Природы! Ждите моих новых приключений!*»

В последние несколько лет я наблюдала за всем этим издали и смотрела на Ванессу с неприязнью. Она была испорченным ребенком, отпрыском трастового фонда. Не слишком умная, не умеющая ничего, кроме самовозвеличивания, пробивающая себе путь ко всему, что она не заслужила, не заработала своим трудом. Умелица создать свой образ, а сердцем неглубокая, пустая. Своими привилегиями она пользовалась беззаботно и небрежно и была безнадежно далека от реального мира. Она любила пользоваться людьми рангом пониже как средством для создания собственной легендарности. Она была обманывающей себя элитарной штучкой, возмнившей себя настоящей популисткой. В ее жизни в это время явно наступил

²⁶ TriBeCa (TriBeCa от англ. Triangle Below Canal Street – «Треугольник южнее Канал-стрит») – микрорайон Округа 1 (Manhattan Community Board 1), расположенный в Нижнем Манхэттене крупнейшего города США, Нью-Йорка.

²⁷ Кофейный напиток, изготавливаемый из порции эспрессо и небольшого количества молока, обычно взбитого.

упадок, и она просто из кожи вон лезла, чтобы как-то себя осуществить, если судить по непрерывным цитатам-мотиваторам.

Но уделять ей более пристальное внимание я стала только тогда, когда она сообщила, что собирается перебраться на озеро Тахо. В последние шесть месяцев после ее переезда я стала наблюдать за Ванессой более пристально. У меня на глазах глянцевого, профессионального качества ее фотоснимков исчезло, снова появились селфи. Фотографии с демонстрациями фирменной одежды пропали. Вместо них замелькали снимки кристально-чистого горного озера, окруженного величественными соснами. А я искала на этих фотографиях дом, который я так хорошо знала. Дом, который поселился в моих снах с тех пор, как я жила неподалеку и была девочкой-подростком.

Я искала Стоунхейвен.

Несколько месяцев назад я наконец его нашла. Ванесса запостила фотографию, на которой были запечатлены она и молодая пара во время горной прогулки. Все трое загорелые, пышущие здоровьем. Они стояли на вершине горы, озеро лежало внизу, а они смеялись, обхватив друг дружку руками. Подпись гласила: *«Показываю моим новым лучшим друзьям лучшие виды Тахо! #прогулки #наотдыхе #красивый вид»*. Имена друзей были снабжены тегами. Я кликнула одно из этих имен и оказалась на Инстаграм-канале молодой француженки, документирующей свое путешествие по Соединенным Штатам. Одна фотография, две, три... и вот он. На снимке молодая пара на ступенях крыльца знакомого коттеджа. Вокруг крыльца росли папоротники. За открытой дверью позади молодых людей смутно проглядывал интерьер уютной гостиной. Диван, накрытый старомодным покрывалом. Мое сердце забилося чаще. Подпись по-французски: *«Просто восхитительный Jet Set²⁸. Мы в восторге от нашей хозяйки, Ванессы»*.

Мой школьный французский слегка заржавел, но смысл я уловила: Ванесса начала сдавать коттедж гостям.

Собрать чемодан можно всего за час. Когда я говорю матери, что уезжаю из города, буду часто звонить и приезжать, когда смогу, она начинает быстро-быстро моргать, и я боюсь, что она расплачется. Но она не плачет.

– Умница, – говорит она. – Просто умница.

– Я позвоню той сиделке, которую мы приглашали в прошлом году. Договорюсь, чтобы она приходила к тебе каждый день, как только начнется облучение. Она и прибирать в доме будет, и делать покупки. О'кей?

– Ради бога, Нина! Я сама в состоянии себя обслужить. Я же не инвалид.

«И тем не менее», – думаю я.

– Мама, насчет счетов. Тебе придется оплачивать их вместо меня. У тебя уже есть доступ к моему счету. Я пополню его, как только появятся деньги.

Мне не хочется думать, что станет с мамой, если деньги не появятся.

– Не переживай за меня. Мне не привыкать.

Я целую маму в лоб. Только тогда, когда я знаю, что она меня не видит, я позволяю себе расплакаться.

Мы с Лахлэном останавливаемся в бюджетной гостинице в Санта-Барбаре. Ясное дело, отель стоит не близко к берегу, здесь не слышен плеск волн. Бетонный корпус, пустой бассейн с гнилыми листьями на дне и серой коркой на кафельных плитках. Санузел совмещенный, на потолке протечка. Вместо маленьких бутылочек с мылом и шампунем одна большая с надписью: «Моющее средство».

²⁸ Jet Set – Времяпровождение компаний богатых и красивых молодых людей в путешествиях по разным странам.

Мы лежим рядом на кровати, пьем вино из пластиковых чашек. Мой поисковик открыт на сайте JetSet.com. Я ввожу в строку поиска слова «Озеро Тахо» и принимаюсь листать страницы. Наконец одна привлекает мое внимание. Я поворачиваю лэптоп к Лахлэну и показываю ему страницу.

– Вот он, – говорю я.

– *Этот?*

Он озадаченно смотрит на меня, и я понимаю почему. На фотографии – скромный дом под черепичной крышей, бревенчатый, выкрашенный в светло-зеленый цвет. Дом стоит под соснами. Если сравнивать этот коттедж с другими постройками на берегу озера, легко пройти мимо, настолько он непрезентабелен. Он стар, потрепан, в нем есть что-то, что роднит его со сказкой про Гензеля и Гретель, – деревянные ставни с щелочками, оконные рамы, заросшие папоротниками, пятна мха на камнях каменного цоколя. «Уютный домик смотрителя, – гласит подпись. – На берегу озера, две спальни, краткосрочная или длительная аренда».

– Кликни, – говорю я приказным тоном.

Лахлэн вздергивает брови, но послушно берет у меня лэптоп.

В публикации шесть фотографий. На первой крошечная гостиная с каменным камином и диваном с выцветшей парчовой обивкой, картинами на стенах и антиквариатом по углам. Вся мебель немного великовата для этого дома, смотрится чуть безвкусно. Кажется, словно кто-то вывалил сюда содержимое другого дома, посмотрел, поднял руки вверх и ушел. На второй фотографии винтажная кухня, где главным предметом обстановки служит классическая эмалированная плита с духовкой «O'Keefe & Merritt». Деревянные шкафчики вручную раскрашены с помощью трафаретов. На третьем снимке пасторальный вид озера, на следующем – скромная ванная комната, затем – спальня с двумя односпальными кроватями без ножек, скошенный потолок.

Лахлэн щурится, глядя на фотографии:

– В этом деле эксперт у нас ты, а не я. А вот этот туалетный столик... это не эпоха Людовика Четырнадцатого?

Я не обращаю внимания на его слова, наклоняюсь и кликаю следующее фото. На нем спальня. Кровать с балдахином рядом с витражным окном, закрытым тонкими тюлевыми шторами. На кровати белое кружевное покрывало. На стене картина с изображением крестьянского домика на берегу порожистой реки. Стекла в витражном окне толстые, покрытые трещинками старости, и все же за ними можно разглядеть озеро.

Мне знакома эта кровать. Я знаю эту картину и этот вид за окном.

– На этой кровати я потеряла девственность, – я слышу собственный голос.

Лахлэн резко поворачивается и смотрит на меня. Я выгляжу очень серьезно. Он смеется:

– Серьезно? На этой самой кровати?

– Покрывало теперь другое, – отвечаю я. – А все остальное то же самое. А туалетный столик – рококо, а не эпоха Людовика Четырнадцатого.

От хохота Лахлэн раскачивается вперед и назад:

– О боже! Не удивительно, что ты так хорошо разбираешься в антиквариате. Тебя дефлорировали на треклятом рококо.

– Это туалетный столик в стиле рококо. Про кровать точно не скажу, но она не рококо, – ворчу я. – И не думаю, что кровать так уж ценна.

– Да что это вообще за место, мать твою? Кто обставляет обшарпанный старый коттедж французской мебелью восемнадцатого века? – Лахлэн пролистывает страницу дальше и читает вслух: – *«Насладитесь волшебным отдыхом в домике смотрителя – частице классического поместья на западном берегу озера Тахо! Столько очарования в двух уютных спальнях. Винтажная кухня, красивая антикварная мебель, работающий каменный камин! Виды на озеро, прогулочные маршруты неподалеку. Дом стоит всего в нескольких шагах от частного пляжа.*

Идеальное место уединения для супружеской пары или художника, ищущего вдохновения !» – И Лахлэн озадаченно смотрит на меня: – Классическое поместье?

– Стоунхейвен.

Это название вызывает у меня странную смесь эмоций – угрызения совести, ностальгию, чувство потери, жаркую вспышку гнева. Я увеличиваю фотографию спальни и внимательно разглядываю ее. Я словно бы парю в невесомости, я настоящая и я прошлая разделяются между той и этой кроватями, и ни та ни другая – не я.

– Это громадный особняк на берегу озера. Он принадлежал Либлингам более сотни лет.

– Эти Либлинги. Я должен знать, кто они такие?

– Они – основатели «Liebling Group», фирмы, занимающейся инвестициями в недвижимость и находящейся в Сан-Франциско. Они входили в список пятисот самых богатых семейств США по версии журнала «Fortune», но я так думаю, некоторое время назад они выбыли из этой когорты. Но при этом они со «старыми деньгами», в какой-то мере короли Западного побережья. Франциско. Они входили в список пятисот самых богатых семейств США по версии журнала «Fortune», но я так думаю, некоторое время назад они выбыли из этой когорты. Но при этом они со «старыми деньгами», в какой-то мере короли Западного побережья.

– И ты их знаешь?

Лахлэн смотрит на меня с таким выражением лица, словно я его каким-то образом предала, до сих пор скрывая такие ценные связи.

Из глубины всплывают воспоминания. Темнота в этом коттедже, даже тогда, когда заходящее солнце искоса светит в окна. Еще то, как покрывало (тогда оно было синее, шерстяное, сотканное с рельефом) царапает мои оголенные бедра. Пенистые пороги реки на картине и вода, изображенная настолько реалистично, что кажется, что она вот-вот перельется за край рамы и намочит меня. Мягкие рыжие кудряшки юноши, от которого пахло чем-то похожим на марихуану. Ранимость, чувство потери. Ощущение, будто бы что-то очень дорогое внутри меня впервые вытащили на свет.

Тогда это казалось таким важным... Как же я смогла забыть?

Я потеряна во времени. Такое чувство, словно я отлетела кубарем на десяток лет назад и оказалась в теле стеснительной толстушки, какой когда-то была.

– Я была с ними знакома. Совсем немного. Давно. Я год прожила в Лейк-Тахо, училась здесь в девятом классе школы. Дружила с их сыном. – Я пожимаю плечами. – Все как в тумане, честно. Я была маленькая.

– А похоже, ты с ними была знакома ближе. – Лахлэн возвращается к фотографиям, внимательно их разглядывает. – Погоди... А эта женщина...

– Ванесса.

– Ванесса. Она тебя вспомнит?

Я качаю головой:

– В то время, когда я здесь жила, она уехала и училась в университете. Я в основном общалась с ее братом. А с ней виделась всего один раз, недолго, двенадцать лет назад. Так что она ни за что не вспомнит меня теперь. Я выгляжу совсем не так. Тогда я была толстая и красила волосы в розовый цвет. В тот раз, когда мы случайно встретились на пути, она на меня толком и не посмотрела.

Ту встречу я помню ясно. Помню, как Ванесса скользнула по мне взглядом – так, будто я настолько никчемна, что ей нет никакого смысла уделять мне свое драгоценное внимание. Помню, как вспыхнули мои щеки под толстым слоем косметики, с помощью которой я пыталась прятать свои подростковые прыщи. Я чувствовала себя такой незащищенной...

А вот Бенни меня сейчас мог узнать, но я знаю, где он живет. Не в Стоунхейвене.

Я не готова думать о нем. Я выбрасываю его из своих мыслей и выхожу на канал Ванессы в Инстаграме, чтобы познакомиться с ней Лахлэна.

Лахлэн листает фотографии. Делает паузу на снимке, сделанном в Венеции. Ванесса в гондоле. Подол платья от Валентино колышется на легком ветру. Я вижу, что Лахлэн замечает отработанную привлекательность Ванессы и то, как она нарочито игнорирует гондольера. Ее взгляд безмятежен. Живописный канал и вспотевший от работы на веслах старик словно бы существуют только ради ее услаждения.

– Я все-таки не понимаю. Если она так богата, зачем она сдает этот домик зрителя?

– Думаю, ей одиноко. Отец умер, она только что разбежалась с женихом и уехала из Нью-Йорка. Стоунхейвен – очень уединенное место. Наверное, ей компания нужна.

– И этой компанией станем мы.

Лахлэн просматривает фотографии Ванессы, и я вижу, что он уже производит в уме расчеты. Он явно начал продумывать наши планы – как мы ненавязчиво и плавно добьемся того, чтобы Ванесса впустила нас в свой мир, как мы найдем ее слабые места и примемся на них давить.

– Так... И на что мы тут глаз кладем? Антиквариат? Семейные драгоценности? Все эти дамские сумочки из ее коллекции?

– На этот раз не антиквариат, – говорю я и замечаю, что слегка дрожу.

Может быть, потому что не могу поверить, что наконец снова открываю эту дверь столько лет спустя. Я ощущаю теплую волну мстительного предвкушения, а под этой волной звучит шепот неверия в то, куда меня увели последние десять лет. От этого идиллического коттеджа на берегу озера в этот задрипанный отель, где я строю планы мошенничества и воровства в компании с отъявленным жуликом. Я вдруг осознаю, что готова нарушить два правила, которые сама придумала: *не становиться алчной. Брать только то, о чем хозяин не будет сожалеть.*

– Где-то в главном доме Стоунхейвена спрятан сейф, – говорю я. – В этом сейфе должен лежать миллион долларов наличными. И обрати внимание, я знаю кодовую комбинацию цифр.

Лахлэн, лежащий рядом со мной, настораживается:

– Бог ты мой, Нина. Ты столько от меня скрывала. – Он прижимается ко мне, дышит мне в висок. Холодный кончик его носа прижимается к мочке моего уха. – Скажи, – шепчет Лахлэн, – а кто же лишил тебя девственности – Либлинг или этот самый зритель?

Глава шестая

Нина

Мы с Лахлэном покидаем Южную Калифорнию солнечным утром, когда окна кафе открыты нараспашку и люди завтракают под открытым небом. Когда мы добираемся до предгорий Сьерра-Невады, температура падает на тридцать градусов²⁹ и на небе собираются дождевые тучи.

Мы останавливаемся в небольшом городке на середине горного склона и едим гамбургеры в ресторанчике, стилизованном под времена «золотой лихорадки» и называемся «Бургер пионеров»³⁰. Столики накрыты красно-белыми клетчатыми скатертями, по стенам развешаны тележные колеса. Ближе к двери женского туалета на стене красуются лесные звери, вырезанные из пней. Мне приносят на удивление хороший бургер и на удивление паршивую жареную картошку.

Лахлэн аккуратно смахивает крошки с коленей и хмурится, глядя на пятно кетчупа на сорочке. Свои костюмы, сшитые на заказ, он оставил в Лос-Анджелесе, а собой взял джинсы и кроссовки.

– А тебя зовут... – внезапно произносит он.

– Эшли Смит. – Ощущение от этого имени у меня какое-то липкое. Оно словно бы хочет скатиться с моего языка, хотя я долго тренируюсь перед зеркалом. – Коротко Эш. А ты – Майкл О’Брайен, мой верный бойфренд. Ты боготворишь землю, по которой я хожу.

– Чего ты в полной мере заслуживаешь, – кисло поддакивает Лахлэн. – А родилась ты...

– В Бенде, штат Орегон. А у тебя отпуск, ты преподаешь...

– Продвинутый английский в Marshall Junior College. – Лахлэн улыбается. Его явно забавляет мысль о том, что он обучает молодежь будущего. – Я же хороший профессор?

– Самый лучший. Ученики тебя просто обожают.

Я смеюсь вместе с Лахлэном и думаю о том, что в другой жизни из него вправду получился бы отличный учитель. У него отличный слух на произношение, и он наделен терпением, необходимым для долгой карьеры афериста. А разве не для этого обучаются в колледжах? Это ведь самая долгая афера – обещание, которое оставляет вас с пустыми карманами и редко приводит туда, куда обещало приземлить. Но возможно, таланты Лахлэна больше годятся для частного репетиторства, один на один с учеником, интенсивного, сосредоточенного и интимного обучения. Именно так он обучал меня.

Мы совместно досконально изучили страничку Ванессы в Инстаграме, использовали тысячи фотографий и подписей к ним, чтобы построить маршруты, направленные к ее слабым местам. Она часто позирует в кафешках и на пляже с книгами, классическими романами вроде «Анны Карениной» или «Грозового перевала». Явно хочет, чтобы ее воспринимали как интеллектуалку и творческого человека. Поэтому Лахлэн станет прозаиком и поэтом, чтобы Ванесса восприняла его как артистическую натуру. Что касается ее наметившейся склонности к мотивационным цитатам, она пытается выглядеть глубоким человеком, прочно стоящим на ногах. Вероятно, это нужно ей как противовес фривольности ее нарядов. Поэтому я стану учителем йоги – дзенским идеалом, к которому так тянет Ванессу.

Ей одиноко, а мы предложим ей дружбу. А потом все перебросится в область зазывных поз, маленьких блестящих платьев-мини и фотографий в бикини.

²⁹ По Фаренгейту.

³⁰ Пионерами в американской традиции называют первопроходцев, осваивавших новые земли на континенте.

– Она явно хочет быть желанной, – говорит Лахлэн. – Я с ней пофлиртую. Совсем чуть-чуть. Постараюсь вызвать у нее интерес.

– Только не при мне. А то она решит, что ты законченный бабник.

Лахлэн обмакивает ломтик картошки в кетчуп, накалывает на вилку, отправляет в рот и прищуривается:

– Даже не мечтай.

И еще один важный, финальный мазок к общей картине: Лахлэн притворится парнем из семьи со «старыми деньгами, наследником вымышленного семейства в Ирландии». Ванессе будет очень сложно проверить истинность этой истории. Богатеньким всегда проще и комфортнее рядом со своими: привычность порождает притяжение.

До отъезда из города мы зарегистрировались в Интернете под новыми именами. Моя страничка в Фейсбуке озаглавлена «Эшли» и битком набита мотивирующими цитатами Опры³¹ и Далай-ламы, а также фотографиями женщин в замороченных позах йоги. Эти снимки я натаскала с других сайтов. Кроме того, тысяча «френдов», купленных всего за два доллара и девяносто пять центов. Профессиональный сайт с рекламой моих услуг в качестве личного инструктора по йоге. В этом нет большого риска, поскольку я вполне достаточно облилась потом на занятиях бикрам-йогой³² в Лос-Анджелесе, так что сыграть роль учителя смогу. У «Майкла» появилась персональная веб-страница с отрывками из его произведений (украденных с домашней страницы непубликующегося романиста-новатора из Миннесоты), а еще биография и преподавательские документы на Линкедине.

На все это нам понадобилось меньше недели. Вот что дал моему поколению Интернет – возможность играть в Бога. Мы способны сотворить человека по нашему образу и подобию, породить цельную личность из ничего. Нужна только искра, заброшенная сразу на миллиарды веб-сайтов, страничек Фейсбука, аккаунтов в Инстаграме. Всего-то один профиль, фотография, биографические данные – и вот уже оживает чье-то существование. А вот прекратить это существование намного, намного сложнее, но это уже совсем другая история.

Вряд ли Ванесса когда-нибудь узнает, как старательно мы трудились над своими профилями в социальных сетях ради нее. В онлайн можно встретить тысячи других Майклов О’Брайенов и Эшли Смит. В этом море ей будет очень сложно обнаружить именно нас. Но если она приложит к поиску усилия, она таки найдет нас, и информации о нас получит ровно столько, чтобы удостовериться в нашем существовании. Этого хватит, чтобы прогнать любые сомнения и опасения. В конце концов, если в наше время вы не желаете подвергать себя публичному препарированию, люди могут решить, что вы хитры и недостойны доверия.

Ванесса немного покопается в Интернете и уверится в том, что Майкл и Эшли совершенно нормальные люди, как о том и сказано в данных нашего профиля. Приятная творческая пара из Портленда, решившая посвятить целый год путешествиям по Америке и работе над креативными проектами. Мы написали ей о том, что нам всегда хотелось какое-то время пожить на озере Тахо. Мы даже подумывали о том, чтобы задержаться там на зиму, чтобы покататься на горных лыжах.

«Звучит прекрасно, – написала Ванесса в ответ почти сразу. – Это спокойное время года, а оставаться здесь вы сможете столько, сколько захотите».

А надолго ли мы останемся? Ровно на столько времени, чтобы успеть внедриться в ее жизнь, раскрыть тайны Стоунхейвена и нагло ограбить ее. При этой мысли я ощущаю легкий укол удовольствия – нечто мстительное и мелочное. Я понимаю, что эти чувства надо в себе подавить. «В этом не должно быть ничего личного. Это не должно соприкасаться с прошлым».

³¹ Опра Уинфри – популярная американская телеведущая, афроамериканка.

³² Бикрам-йога – особый комплекс упражнений, выполняемых в нагретом помещении.

Лахлэн допивает содовую, комкает салфетку и швыряет ее в сторону оскаленной морды деревянного медведя у нас за спиной. Комок бумаги попадает в пасть медведя и зацепляется за торчащие острые клыки.

– Давай-ка тронемся в путь, – говорит он. – Гастроли начинаются.

В горах темнеет рано. Мы выходим из ресторана, и вскоре начинается дождь, мелкий, моросящий. Дорога становится скользкой и коварной. Фуры дальнобойщиков тянутся вверх по склону горы медленной вереницей. Слева нас со свистом обгоняет полноприводный универсал. Мы на винтажном BMW Лахлэна держимся на средней полосе. Когда у тебя на машине фальшивые орегонские номера, скорость превышать ни в коем случае нельзя. На перевале Доннер, на самых высоких пиках уже лежит корка грязного снега, и он поблескивает в лучах угасающего солнца.

Я смотрю на дорогу – и ничего не узнаю. На этом отрезке шоссе я побывала всего один раз – на пути к своему будущему. И все же я старательно приглядываюсь к мокрым соснам и горным озерцам, которые мы проезжаем. Нервы на пределе. Я жду ностальгии, сигнала узнавания.

Этот сигнал звучит, когда мы спускаемся к Тахо-Сити и шоссе идет параллельно реке Траки. Внезапно повороты дороги становятся знакомыми физически. Тело узнает их. Все, мимо чего мы проезжаем, вспыхивает во мне вспышкой узнавания: немецкий ресторанчик в покосившемся шале, мы проскакиваем мимо него в тумане; бревенчатая хижина с жестяной крышей на поляне у самой воды; обнаженный гранит речных валунов, стекающая по ним вода. Все это летит ко мне зрительным эхо: воспоминания всплывают со дна сознания, где поверх них давно нагромодились более насущные заботы.

В темноте мы подъезжаем к границе Тахо-Сити, где кучкой теснятся приземистые магазинчики. Перед самым въездом в город мы поворачиваем направо, чтобы двигаться вдоль берега озера к югу. Чем дальше мы уезжаем от города, тем больше становятся загородные дома, тем они новее, тем меньше расстояние между ними. Место классических коттеджей с остроконечными крышами занимают громадные горнолыжные дома с окнами в два этажа и верандами по всему периметру. Сосны здесь растут ближе к дороге. Мимо пролетает бесснежный лыжный курорт. Мокрые склоны горы рассечены колеями, оставленными маунт-байкерами прошлым летом.

Время от времени за домами сверкает гладь озера – темное пространство, никому не нужное до мая. Прогулочные лодки уже убраны в эллинги, даже фонари на пристанях не горят. Я помню Тахо в ноябре – это чувство, будто ты застрял на ничьей земле: летние толпы исчезли, а лыжники еще не прибыли, солнца нет, но снег еще не пошел, все тихо, неподвижно, будто спит. Беспольный холод, лишенный зимних радостей, даже для прогулок слишком сыро и холодно. Местные жители снуют по своим делам, будто белки, запасающие желуди на зиму.

Последние несколько миль мы с Лахлэном едем молча. Я смотрю на деревья и мысленно проговариваю свою «легенду» и задумываюсь над некоторыми моментами выдуманной нами истории про Эшли и Майкла – и размышляю до тех пор, пока все детали головоломки не занимают свои места довольно-таки четко. Меня охватывает странное настроение – бурлящая смесь отвращения и ностальгии. Мне кажется, что в тени сосен кто-то прячется и мне непременно нужно старательнее приглядеться, чтобы понять, кто это. Я замечаю, что у меня дрожит коленка, только тогда, когда Лахлэн кладет на нее руку:

– Ты передумала, любовь моя?

Он бросает на меня вопросительный взгляд и сжимает мою ногу выше колена длинными теплыми пальцами.

Тяжесть его руки словно бы приземляет меня.

– Вовсе нет. А ты?

Он изумленно смотрит на меня:

– Теперь уже слишком поздно, правда? Она ждет нас не позже полуночи. Если мы не появимся, она может позвонить в полицию, а это нам нужно меньше всего, Бог свидетель.

И тут перед нам возникает цель нашего путешествия. Проезжая по дороге, вы и не догадаетесь, что совсем рядом особняк. Граница поместья никак не помечена. Высокий каменный забор с коваными воротами вдоль берегового шоссе. Лахлэн нажимает кнопку переговорного устройства, и только успевает убрать палец, как створка ворот открывается, поскрипывая на петлях. Подъездная дорога идет прямо среди сосен, мягко подсвеченных снизу фонарями на солнечных батарейках. Я опускаю стекло и носом втягиваю воздух. Пахнет разными оттенками сырости – древесными корнями, старой хвоей и мхом, растущим вдоль берега. Что-то пробуждается во мне – знакомая подростковая тоска. Эти фонарики... Я помню, что они казались мне духами, танцующими среди раскачивающихся на ветру деревьев. Туман, сверкающий бриллиантами в свете фар... Есть что-то волшебное в этой сосновой роще. Здесь вновь рождаются все мечты моей юности, давно забытые чувства.

Мы проезжаем мимо теннисного корта с травяным покрытием. Сетка провисла от тяжести плесени. Затем горстка маленьких деревянных домиков – жилища для прислуги, отдельный коттедж дворцового. Всюду темно, окна закрыты ставнями. На склоне, обрамленном деревьями, я вижу лодочный сарай – громоздкую постройку, вытянутую вдоль берега. И наконец дорога делает крутой поворот, и перед нами встает Стоунхейвен, похожий на гигантское серое привидение в полумраке. С моих губ непроизвольно срывается странный звук. Я столько раз смотрела на фотографии этого дома в Интернете, но они не подготовили меня к знакомой холодности Стоунхейвена, монументальной и предостерегающей.

Сам особняк – натуральный анахронизм. Каменный монолит, затаившийся под густыми соснами западного побережья озера Тахо. Здание обито бревнами и напоминает средневековую крепость. Дом находится в самой середине, два его крыла соединены между собой трехэтажной каменной башней, наверху которой видны узкие стрельчатые окна. Башня словно бы стоит в дозоре наподобие донжона древнего замка, она как бы готова к атаке врагов. Крылья дома увенчаны трубами дымоходов. Камни, из которых они сложены, поросли мхом, а мох от старости порыжел. Все здание окольцовано портиком, колоннами служат стволы гигантских сосен. Все, что не сложено из камня, покрыто черепицей и выкрашено коричневой краской – наверное, для того, чтобы дом сливался с окружающей природой. Но так это или нет, у смотрящего на дом создается впечатление, будто он просто-таки вырос из зарослей сосен и словно бы отступает во тьму окружающего его леса.

Стоунхейвен... Три этажа, сорок две комнаты, восемнадцать тысяч квадратных футов плюс семь дополнительных построек. Прежде чем мы тронулись в путь, я кое-что почитала об этом поместье и нашла несколько фотографий в старом номере журнала «Heritage Home». Дом был построен в начале тысяча девятисотых годов первым Либлингом, родившимся в Америке, противником «золотой лихорадки». Этот человек вытащил свою семью из иммигрантской нищеты и превратил в американских аристократов нового века. На рубеже последнего столетия озеро Тахо уже стало популярной летней резиденцией племен промышленников Западного побережья. Либлинг приобрел в собственное владение милю девственного прибрежного леса, построил свою твердыню. И обосновался здесь, чтобы наблюдать за своими братьями-миллионерами с другого берега озера.

Как-то уж так получилось, что семейство Либлингов задержалось здесь на целых пять поколений. Со времени постройки дом остался почти нетронутым, разве что время от времени потомки рода слегка переустраивали интерьеры.

Лахлэн останавливает машину в конце подъездной дороги, и мы с ним вместе смотрим на дом. Похоже, в том, как я дышу, есть что-то ненормальное. То есть я фактически перестаю дышать, поэтому Лахлэн поворачивается ко мне и смотрит на меня подозрительно. На этот раз он слишком сильно сжимает пальцами мою ногу.

– Кажется, ты говорила, что помнишь это место не слишком хорошо.

– Я помню не так много, – лгу я. Странно, до чего же мне не хочется сказать ему правду. Он свои карты не раскрывает, я свои тоже придержу. – Честно, совсем немного. Я тут побывала всего три-четыре раза, а было это десять лет назад.

– Ты словно бы в замешательстве. Тебе надо собраться.

Голос Лахлена звучит тихо и спокойно, но я чувствую, что к нему подкрадывается раздражение. Я слишком эмоциональна, это мой всегдашний диагноз, с самого начала. «Затевая аферу, нельзя давать волю эмоциям, эмоции делают тебя уязвимым».

– Да не в замешательстве я. Просто это странно, вот и все... вернуться сюда после всех этих лет.

– Это ты придумала. А я просто хочу, чтобы ты помнила об этом, если все вдруг пойдет наперекосяк.

Я отталкиваю руку Лахлена:

– Я об этом ни на секунду не забываю. И из-за меня ничего наперекосяк не пойдет. – Я смотрю на дом. Из одной гигантской трубы идет дым, во всех окнах горит свет. – Я Эшли. Ты Майкл. Мы в отпуске. Мы потрясены тем, как прекрасен этот дом, мы просто в полном восторге. Мы ни разу не бывали на озере Тахо, но всегда об этом мечтали, и вот теперь мы просто в восхищении оттого, что наконец видим эти края.

Лахлен кивает:

– Умница.

– Только не надо этого покровительственного тона.

В это мгновение открывается парадная дверь, и в прямоугольнике света появляется женщина. Ее светлые волосы так блестят, что вокруг ее головы образуется гало. Ее лицо невозможно рассмотреть, потому что на крыльце лежит ночная тень. Она стоит и смотрит на нас, обхватив себя руками. Ей холодно, и она наверняка гадает, почему мы не выходим из машины. Я протягиваю руку и выключаю зажигание.

– Ванесса смотрит на нас, – шепчу я. – Улыбнись.

– А я улыбаюсь, – говорит Лахлен, включает радио, находит станцию, передающую классическую музыку, и включает на полную громкость.

Затем он тянется ко мне, обнимает меня за шею и притягивает к себе для долгого страстного поцелуя, а я не понимаю, то ли он хочет передо мной извиниться, то ли целует меня напоказ перед Ванессой. *Ну прямо голубки. Решили поворковать перед тем, как выйдут из машины.*

Тут Лахлен отстраняется, промокает платком губы и одергивает рубашку:

– О'кей. Пойдем познакомимся с хозяйкой.

Глава седьмая

Нина

Тринадцать лет назад

Мы с мамой восемь часов ехали от Лас-Вегаса до Тахо-Сити на машине. Это было в тот день, когда я окончила восьмой класс в старшей школе. Шоссе вело нас вдоль границы между Невадой и Калифорнией. Мы двигались на север и запад, и я чувствовала, как постепенно холодает. Гнетущая жара пустыни отступала перед наплывом холода с гор Сьерра-Невада.

Я была не против отъезда из Вегаса. Мы прожили там два года – при нашем образе жизни это целая вечность, – и я ненавидела каждую минуту, проведенную там. Что-то было особенное в тамошней всепоглощающей жаре. Безжалостное, неустанное солнце все делало лаконичным и грубым. Оно загоняло человека в стерильные пространства помещений с кондиционерами. В коридорах школы, где я училась, царил хронический запах пота – резкий, звериный. Казалось, все школьники живут в постоянном страхе. И вообще Вегас не выглядел городом, в котором кому-либо следовало жить постоянно. Даже несмотря на то, что наш многоквартирный дом стоял в нескольких милях от центра, в отштукатуренном спальном районе, который годился для окраины любого западного города, все равно на наших кварталах лежала тень Стрипа³³. Весь город словно повернут лицом к центру, к яме с деньгами. Зачем здесь жить, если только у тебя нет желания по-быстрому сорвать куш?

Мы с матерью жили в районе, над которым самолеты шли на взлет и посадку, и каждые несколько минут можно было запрокинуть голову и увидеть в небе самолет. То и дело в Вегас прибывали сменяющие друг друга орды – ради Большой Удачи и коктейля «Маргарита» на каждом шагу. «Пиявки», – клеймила их моя мать. Можно подумать, мы здесь поселились не ради этих самых пиявок. Каждый вечер она усаживала меня перед телевизором и уезжала в казино, чтобы попытаться грабануть тех самых «пиявок».

А теперь мы направлялись к аристократичному озеру Тахо, стране домов для отдыха, летних людей и винтажных деревянных глассеров. «Я нашла местечко в Тахо-Сити, на калифорнийском берегу озера, – объясняла моя мать по пути. Она повязала светлые волосы тонким шарфом на манер кинозвезды и вела себя так, словно сидела за рулем винтажного кабриолета, а не хэтчбека „хонда“ с заляпанным грязью кондиционером. – Там более аристократично, чем на Южном берегу, где сосредоточены казино».

Господи, как мне хотелось ей верить. Мы будем жить аристократично! Мы миновали перевал и спустились в озерную долину, и у меня было такое чувство, будто мы сбрасываем старую кожу и примеряем новую, новых себя. Я снова пойду в школу и окончу ее. Я зажмурилась и представила себя на сцене, со свитком прощальной речи в руке, а на моей магистерской шапочке надпись «Гарвард». А мама... Она станет работать в казино легально, а это само по себе станет большим достижением. Я рассматривала сосны и позволяла себе верить, что долгий список мест, где мы успели пожить, закончится здесь, в тихом горном городке, где мы сумеем раскрыть то, на что мы на самом деле способны.

Считайте меня наивной. Вы не ошибетесь.

Оказалось, что Тахо-Сити никакой не город, а лесистая деревушка на берегу озера. Главная улица – ленивая цепочка ресторанов, где готовят отбивные, пунктов проката лыж, риелторских контор и художественных галерей, где продают горные пейзажи, нарисованные густыми слоями масляной краски. На южной окраине городка из озера вытекала река Траки и лениво

³³ Лас-Вегас-Стрип – примерно семикилометровый участок бульвара Лас-Вегас в округе Кларк в штате Невада, США. Здесь находится большинство крупнейших гостиниц и казино агломерации Лас-Вегаса.

текла вдоль по склону горы к далеким равнинам. Ее вода кишела туристами на надувных лодках и крышах.

А наше новое жилище оказалось не квартирой в большом доме. Это был домик на тихой улочке, за которой начинался лес. Стоило мне увидеть этот дом – и я мгновенно влюбилась в него. В веселую желтую краску, в печную трубу, сложенную из речного сланца, в ставни с вырезанными в середине сердечками. Все это обещало радость. Передний двор представлял собой ковер из сосновой хвои – мягкий, потому что нижний его слой медленно истлевал. Снаружи за домом ухаживали лучше, чем внутри. Гостиная оказалась темной, от ковра пахло пылью, столешница в кухне была обшарпанной, в спальне стояли шкафы без дверей. Но все внутри было отделано сучковатыми сосновыми досками, поэтому мне казалось, что мы с мамой – бурундуки, поселившиеся в дупле.

Мы приехали туда в начале июня, в то самое время, когда из зимнего хранения вынимают моторные лодки, а к главной дороге подтаскивают лодочные трапы. В первые несколько недель по утрам я ходила к озеру и смотрела, как лодочники развешивают по бокам причалов кранцы³⁴, похожие на черные сосиски (когда борт лодки касался этих кранцев, слышался визгливый звук), а владельцы ресторанчиков достают из кладовых летние зонтики и убивают пауков, которые поселились в складках ткани за зиму. В восемь утра поверхность озера была похожей на стекло, а на мелководье вода была такой прозрачной, что было видно, как ползают по илистому дну раки. К десяти часам винты моторных лодок и лыжи водных лыжников превращали воду в пенистый суп. Озеро наполнялось подтаявшим снегом. Купаться еще было рано, разве что в гидрокостюме. И все же вряд ли можно было пройти по пирсу, не увидев, как кто-нибудь из приехавших на лето детишек прыгает с дальнего края «бомбочкой». Через несколько минут мальчишки забирались на пирс, бледные и покрытые пупырышками «гусиной кожи».

Я не плавала. Я проводила лето на берегу, устроившись в жаржавевшем шезлонге, который однажды нашла на берегу. Сидела в шезлонге и читала книги по списку, полученному в новой школе. «Мэр Кэстербриджа»³⁵, «Квартал „Тортильяфлэт“»³⁶ и «Урок перед смертью»³⁷. Большую часть времени я была в одиночестве, но меня это не угнетало: для меня друзья всегда существовали в прошедшем времени. Каждый вечер моя мать облачалась в вечернее платье цвета кобальта, усыпанное блестками, с таким высоким разрезом сзади, что едва не были видны трусики. К нижнему краю декольте был приколот беджик с ее именем – «Лили». Мать садилась за руль и ехала сорок пять минут в штат Невада, где подавала запотевшие стаканы с джином и тоником игрокам в покер в казино «Фон дю Лак».

Помню, как она радовалась в первый вечер, вернувшись домой с чеком от хозяина казино, совсем как ребенок с новой игрушкой, которую не терпится всем показать. Я проснулась от запаха сигаретного дыма и дешевой туалетной воды.

Мать сидела на краешке моей кровати с конвертом в руках. Она помахала этим конвертом:

– Это чек, детка. Это зарплата. Совершенно законная, представляешь? – Она радостно открыла конверт и вытащила тонкий листок бумаги. Но стоило ей прочесть цифры на чеке, и радостное выражение ее лица пропало. – О, я не ожидала, что у них *такой большой* налоговый вычет. – Она еще несколько секунд рассматривала чек, но потом выпрямила спину и улыбнулась: – Ну да ладно. Конечно, я знала, что главное тут чаевые. Мне один парень сегодня дал

³⁴ Кранец – приспособление для смягчения контакта судна и пирса при швартовке.

³⁵ Роман английского писателя Томаса Харди, написанный в 1886 году.

³⁶ Роман американского писателя Джона Стейнбека, написанный в 1935 году.

³⁷ Роман американского писателя Эрнста Дж. Гейнса, написанный в 1993 году.

зеленую фишку за выпивку. А это двадцать долларов. Я слыхала, что если приставят к столам, где игроки делают большие ставки, так там чаевые сотнями раздают.

Но я услышала в ее голосе нечто такое, что меня встревожило: едва заметный флер сомнения в том, что ради меня она выбрала правильный путь. Мать потянула за кончики воротника платья, и я увидела, что ее белая кожа по краю выреза расцарапана докрасна, чуть не до крови, блестками. И тогда я подумала: может быть, моя мать до сих пор не могла удержаться ни на одной нормальной работе не потому, что ее никуда не принимали без аттестата и резюме, а потому, что она сама не хотела работать от звонка до звонка.

– Я тоже найду работу, – заверила я мать. – Не стоит тебе работать в казино, если ты это ненавидишь.

Мать перевела взгляд на чек и покачала головой:

– Нет, я должна там работать. Это же ради тебя, детка, так что стоит того. – Она протянула руку и расправила мои волосы, разметававшиеся по подушке. – *А твоя работа* здесь – учиться. Обо всем остальном я позабочусь.

Моя учеба в North Lake Academy началась сразу же после Дня труда³⁸. В этот день летние тучи исчезли за горой, на дорогах неожиданно пропали роскошные универсалы, а возле ресторанчика «У Розы» перестали выстраиваться очереди на бранч³⁹.

До школы меня довезла мать. После ночной смены в казино глаза у нее были красные, под ними размазалась тушь. Когда мы подъехали к входу, мать хотела припарковаться и пойти со мной. Но прежде чем она вытащила ключи из зажигания, я положила руку на ее запястье:

– Нет, мама. Я сама справлюсь.

Мать посмотрела на поток школьников, проходящих мимо нашей машины, и одарила меня лучистой улыбкой:

– Конечно, детка.

North Lake Academy была маленькой, прогрессивной школой старших классов, целью которой была «подготовка всесторонне обученных граждан мира». Основал эту школу магнат из Кремниевой долины, ушедший на пенсию в сорок девять лет и ставший филантропом и любителем-бейсджампером⁴⁰. Кампус представлял собой коллекцию стеклянных построек, окруженных соснами. Школа расположилась в горной долине, на небольшом расстоянии от горнолыжного курорта. На сайте школы было множество громких слов – *вызовы, самостоятельность, осуществление, работа в команде* – и, конечно, хвастливые заявления о том, что двадцать процентов выпускников поступают в университеты Лиги плюща⁴¹.

В ту же минуту, как я переступила порог школы в своем наряде девочки-гота, типичном для Вегаса, а именно: в одежде всех оттенков черного, с черной косметикой (эту цветовую гамму нарушали только розовые пряди в волосах). Мне сразу стало ясно, что для этого учебного заведения я не гожусь. Школьники, заполнявшие коридоры, были в джинсах или одежде от фирмы «Patagonia». У многих к рюкзакам были прицеплены какие-то спортивные принадлежности. Девушки все были с чистой кожей, без косметики, с крепкими, мускулистыми икрами. На парковке возле школы горных велосипедов было больше, чем машин. А я спортом совсем не занималась, всю жизнь питалась фастфудом да читала книжки. Из-за такого образа жизни у меня были жирные бедра и толстые щеки. Я была девочкой-готом с младенческим жирком.

³⁸ День труда (англ. Labour day) – национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября.

³⁹ Бранч – в США и Европе прием пищи, объединяющий завтрак и обед.

⁴⁰ Бейсджампинг – экстремальный вид спорта, в котором используется специальный парашют для прыжков с фиксированных объектов.

⁴¹ Лига плюща – ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Это название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах. Университеты, входящие в лигу, отличаются высоким качеством образования.

На первом уроке, когда мы смотрели на учительницу, записывающую свое имя на белой доске – «Джо Диллард, зовите меня Джо», – сидевшая впереди меня девочка обернулась ко мне.

– Меня зовут Хилари. А ты новенькая, – сказала она.

– Верно.

– В десятом классе тоже новенький. Бенджамин Либлинг. Ты его видела?

– Нет. Но может быть, видела, только не знаю. Для меня тут все новенькие.

Хилари накрутила прядь волос на палец и потянула к другой щеке. Кожа у нее на носу шелушилась, волосы были жесткими от хлорки. Глянув за ее плечо, я увидела, что ее папка для тетрадей пестрит наклейками, посвященными сноубордингу.

– Как ты насчет джема?

– Даже не знаю, – ответила я. – Клубничный? Ну, абрикосовый тоже люблю.

Хилари рассмеялась:

– Да нет. У нас тут «джемом» называют то, чем ты фанатеешь. На борде катаешься?

– Да я ни разу на горном склоне не бывала.

Хилари вздернула брови:

– Господи, да ты и правду совсем новенькая тут. Ну, так что тогда? Маунт-байкинг? Лакросс?

Я пожала плечами:

– Книжки?

С новеньким мальчиком я не знакомилась еще несколько месяцев, хотя порой видела его в школьных коридорах. Только его, кроме меня, здесь словно бы окружал кокон одиночества. Я бы не сказала, что другие ученики ко мне плохо относились – нет, все они, как Хилари, внешне вели себя вежливо и мило, как *ответственные граждане*, скажем так. Одни приглашали вместе позаниматься, другие позволяли сесть с собой за стол во время ланча, третьи помогли с заданиями по английскому. Но за порогом школы наши отношения заканчивались. Мать определила меня в школу, где верили во «внеклассное обучение», где планировали приключения на каноэ, походы с ночевками и обязывали участвовать в «физкультурных паузах», представлявших собой прогулки под соснами в школьном дворе. Они не любили тесты, но с удовольствием посещали занятия, где нас обучали лазанию по веревкам.

Большая часть школьников после завершения учебы оставалась здесь, потому что такие уж они были – местные жители, чьи родители переехали сюда, потому что хотели, чтобы их детки жили на лоне природы и стали индивидуалистами. Моя мать выбрала эту школу, я так подозреваю, из-за ряда пакетов финансовой поддержки, близости к казино в городе Саут-Лейк и готовности школы принять ученицу, которая была скорее многообещающей, нежели выдающейся. А ученики смотрели на меня – на то, что я наполовину колумбийка, что моя мать-одиночка мало зарабатывает, – и видели во мне чужака.

Бенджамин – Бенни – Либлинг был, кроме меня, единственным из учеников в этой школе, кто не совсем вписывался в идеал спортивного восприятия мира. Он недавно приехал в Тахо-Сити из Сан-Франциско – так я слышала. Его семья была богата, им принадлежал какой-то роскошный особняк на западном берегу озера. Школьники сплетничали – говорили, что его выгнали из какой-то более крутой подготовительной школы, потому он здесь и оказался. Он выделялся на общем фоне: огненно-рыжие волосы, длинные, костлявые руки и ноги. Неуклюжий длинношей жирафенок, неловко втягивавший голову в плечи, когда входил в двери. Как и я, он прибыл в школьный кампус, окруженный аурой чужеродности, хотя в его случае дело было в богатстве, а не в запахе спального района Лас-Вегаса. Его футболки всегда были выглажены, ни единого пятнышка, на его солнечных очках безошибочно читался логотип «Гуччи», и он не заклеивал его изолентой. Каждое утро он неуклюже выбирался из золотого «лендро-

вера», за рулем которого сидела его мать, и мчался к парадной двери школы. Казалось, он думает, что быстрый бег сделает его невидимкой. Но все равно его все замечали – как можно не заметить парня ростом в шесть футов и волосами цвета оранжевой тыквы?

Из любопытства я поискала его фамилию в компьютере школьной библиотеки. Первым делом я наткнулась на фотографию его родителей. Женщина в белых мехах, с тяжелыми бриллиантовыми ожерельями на шее, опиралась на руку лысого мужчины в смокинге. Он был намного старше ее, лицо у него было морщинистое и кислое. Под фотографией я прочла подпись: *«Попечители Джудит и Уильям Либлинг IV на открытии сезона в оперном театре Сан-Франциско»*.

Иногда я видела Бенни в столовой во время ланча, а иногда – в библиотеке, где я уединялась после пожирания бутербродов из белого хлеба с арахисовым маслом. Он горбился над блокнотом и рисовал что-то наподобие комиксов черной шариковой ручкой. Несколько раз мы встречались взглядом издали и робкими улыбками подтверждали свой статус новичков. Как-то раз Бенни сидел впереди меня на собрании, и я целый час глазела на его великолепную шевелюру и гадала, не обернется ли он и не поздоровается ли со мной. Он не обернулся, но почему-то его шея медленно покраснела. Он словно бы чувствовал, что я на него смотрю. Но он был на год старше меня, и на занятиях мы не пересекались и не входили ни в одну команду, где могли бы работать вместе.

Ну и главное: его семья была упакована по полной программе, а моя мать с трудом наскребала деньги, чтобы в конце месяца заплатить за газ. У нас не было причин поговорить друг с другом, кроме того, что мы оба не соответствовали шаблону образцовых ответственных граждан.

В общем, я не высовывалась и сосредоточилась на учебе. За годы перескакивания из одной школы в другую я успела порядком отстать от ровесников по большинству предметов, и мне приходилось стараться изо всех сил, чтобы наверстать упущенное. Лето сменилось осенью, потом пришла зима, а с ней что-то наподобие затворничества. Мир пытался закрыться от льда и мороси. В школу, из школы – домой, и снова то же самое. В теплых перчатках жарко. Два раза в день я сижу в школьном автобусе, одетая в парку из секонд-хенда и протекающие «снегоходы». Сажу и немею от красоты заснеженных лесов и озера, такого синего, что его цвет режет глаза. Все это было таким неведомым для меня. Я все еще помнила бетонные жилые дома и небоскребы с зеркальными окнами.

Мать освоилась на новой работе. Пробилась к залам, где делали высокие ставки при игре в покер, и хотя там оказалось не так уж похоже на ожидаемую ею землю обетованную (чайные по сто долларов ей доставались редко), она все равно радовалась. По вечерам я делала уроки, сидя за обшарпанным кухонным столом, а мама сновала по дому на шпильках, подкрашивала ресницы тушью, и от нее пахло чем-то похожим на туалетную воду «Шалимар» и мыло с лимоном и вербеной. На конвертах со счетами, которые я доставала из нашего почтового ящика, не было страшных пометок «Оплата просрочена». Наверное, это было связано с тем, что мать стала работать сверхурочно. Порой она возвращалась домой тогда, когда я просыпалась и собиралась в школу. Она стояла около кофеварки со спутанными волосами и в платье с облетающими блестками и смотрела, как я укладываю учебники в рюкзак. Взгляд у нее был рассеянный, но умиротворенный. Мне казалось, что мать довольна мной и даже горда.

Однажды я заметила, что она стала не так сильно осветлять волосы, на пару тонов темнее – перешла от платинового блонда Мэрилин к золоту Гвинет⁴².

Когда я у нее спросила почему, мать только прикоснулась к волосам и посмотрела в зеркало, едва заметно улыбнувшись:

⁴² Имеются в виду Мэрилин Монро и Гвинет Пелтроу.

– Более элегантно, правда? Мы ведь теперь не в Вегасе, детка. Тут мужчины ищут другого.

Меня беспокоило то, что она, возможно, тоже в поиске мужчин. Но пришла зима, а никто пока не переступал порог нашей гостиной в три часа ночи, и я начала думать, что наша жизнь изменилась по-настоящему. Может быть, мы вправду наконец сошли на нужной станции. Я воображала порой, что мать получит по работе повышение – может быть, ее назначат менеджером зала, а может быть, в один прекрасный день она станет администратором в гостинице. И может быть, она познакомится с хорошим парнем, кем-нибудь нормальным, вроде добродушного управляющего кафе. Этот мужчина с бородкой, тронутой сединой, всегда делал нам скидку на бублики, если по воскресеньям мы приходили вдвоем.

Стена самозащиты, которую я воздвигала перед собой столько лет, начала рушиться. И пусть я не была в школе «мисс Популярностью», и пусть до Гарварда пока было очень далеко, все же я была довольна. Вот что может сделать с человеком стабильность. Мое счастье было настолько сильно привязано к счастью матери, что невозможно было понять, где заканчивается ее радость и начинается моя.

Как-то раз в конце января, во второй половине дня, когда прозвенел последний звонок и большая часть моих одноклассников отправилась на горнолыжные склоны, я села в автобус, едущий в город, и обнаружила, что в салоне я не одна. В дальнем ряду, раскинув руки и ноги по ближайшим сиденьям, сидел Бенджамин Либлинг. Я заметила, что он смотрел на меня, когда я входила в автобус, а потом он торопливо отвел глаза.

Я села ближе к передней двери и открыла учебник алгебры. Двери с дребезжанием закрылись, автобус, содрогаясь и раскачиваясь, поехал вперед. Шины с зимними шипами скребли ледяную корку. Я сидела и несколько минут честно пыталась сосредоточиться на логарифмических выражениях, остро ощущая присутствие еще одного пассажира в автобусе. Может быть, ему было одиноко? А может быть, он считал, что с моей стороны невежливо ни разу с ним не заговорить? Почему мне казалось таким неловким то, что между нами нет никаких отношений? Я резко встала, прошагала по резиновому коврику посередине салона и плюхнулась на сиденье перед Бенджамином. Свесив ноги в проход, я повернулась к нему лицом.

– Ты – Бенджамин, – сказала я.

Глаза у него были медно-карие. Сейчас, сидя близко от него, я увидела, что ресницы у него просто неприлично длинные. Он удивленно заморгал, глядя на меня.

– Бенджамином меня называет только отец, – сказал он. – А все остальные зовут меня Бенни.

– Привет, Бенни. Меня зовут Нина.

– Я знаю.

– О!

Я пожалела о том, что села перед ним, и была готова вернуться на свое место, но Бенни вдруг сел прямо и наклонился ко мне так близко, что я ощутила запах мяты у него изо рта и услышала, как леденец стучит об его зубы, когда он говорит:

– Некоторые говорят, что мне надо с тобой познакомиться. А почему они так говорят?

Мне показалось, будто Бенни включил фонарик и светит им прямо мне в глаза. Что я должна была ему ответить? Я на секунду задумалась.

– Думаю, потому что больше никто не хочет брать на себя такую ответственность – дружить с тобой и со мной. Им будет проще, если мы подружimsя между собой. Так они отделаются от этой работы. И будут думать, какие они молодцы, что нас свели.

Бенни смущенно устоял на свои ноги, на громадные снегоходы:

– Что-то вроде того. – Он сунул руку в карман, вытащил жестяную баночку и протянул мне: – Хочешь?

Я взяла леденец, положила в рот и сделала глубокий вдох. Все вдруг обрело свежесть и чистоту, и наше дыхание соединилось в морозном воздухе, наполнявшем салон автобуса, и у меня хватило смелости спросить:

– Ну так что, стоит нам подружиться?

– Это кое от чего зависит.

– От чего?

Бенни снова опустил глаза, и я заметила, как краснеет его шея снизу вверх, от края шарфа.

– Наверное, оттого, сильно ли мы понравимся друг другу.

– А как мы это поймем?

Похоже, мой вопрос ему понравился.

– Ну, давай посмотрим. Выйдем вместе из автобуса в Тахо-Сити, выпьем горячего шоколада в кафе «У Сиды» и поболтаем о том о сем, начиная с того, откуда мы сюда приехали, и много ли было мест, от которых нас тошнило, и как сильно мы ненавидим своих предков.

– Я свою маму не ненавижу.

Похоже, Бенни удивился:

– А отца?

– Я его не видела с тех пор, как мне было семь лет. Наверное, можно сказать, что я его ненавижу, но это никак не зависит от наших нынешних отношений. Их просто нет.

Бенни улыбнулся. Улыбка преображала черты его лица, казавшиеся разрозненными деталями – веснушки, крючковатый нос, огромные глаза, – в нечто чистое и радостное, почти младенческое по красоте.

– Хорошо. Вот видишь, мы уже к чему-то движемся. Ладно, сходим к «Сиде». После минут пятнадцати – двадцати болтовни нам либо станет скучно, хоть плачь, потому что не сможем сказать друг другу ничего интересного, и тогда ты, наверное, извинишься, скажешь что-нибудь насчет домашнего задания и смоешься от меня, и потом до конца учебного года мы будем друг от друга шарахаться в коридорах, потому что все это будет по-уродски... или нам все же окажется интересно разговаривать друг с другом, и тогда мы повторим встречу раз и, может, еще раз и покажем нашим однокласскам, что они были правы. Таким образом мы исполним свой долг ответственных граждан, сделаем товарищам приятное. Двойная победа получится.

Разговор был таким легким, таким взрослым и откровенным, что у меня даже голова закружилась. Знакомые мне подростки так не разговаривали. Они ходили на цыпочках вокруг правды, не высказывая ее, а невысказанному придавали такой смысл, какой сами очень хотели. У меня уже было такое чувство, будто бы мы с Бенни вступили в некое тайное общество, в сути которого никто из наших товарищей по школе не сумел бы разобраться.

– То есть ты хочешь сказать, что хочешь попить горячего шоколада, – резюмировала я. – Со мной.

– Если честно, я предпочитаю кофе, – сказал Бенни. – Но подумал, что ты любишь горячий шоколад.

– Я тоже больше люблю кофе.

Бенни улыбнулся:

– Вот видишь, хорошее совпадение. Может быть, все же есть надежда на дружбу.

Мы доехали до города, сошли с автобуса и прошагали по заваленному снежной кашей тротуару к кафе на главной улице. Я искоса смотрела на Бенни, как он топает в своих гигантских «луноходах», обмотав шарф вокруг подбородка и натянув вязаную шапку на лоб – так, что от его лица была видна только полоска около глаз шириной дюйма четыре. Он повернул голову, увидел, что я смотрю на него, и снова покраснел. Я поймала себя на том, что мне нравится, как его лицо отражает эмоции, что его легко прочесть и понять. На ресницы Бенни садились

снежинки, и мне вдруг захотелось протянуть руку и смахнуть их. В том, что мы были рядом, чувствовалось что-то совершенно естественное, как будто мы вместе довели игру до конца и оба вышли победителями.

– А почему ты сегодня ехал на автобусе? – спросила я, когда мы встали в очередь в кафе.

– Моя мама в очередной раз расквасилась, не смогла за мной приехать.

Он сказал это так небрежно, что я была потрясена.

– «Расквасилась»? Что же, она позвонила в администрацию школы в слезах и велела тебе ехать на автобусе?

Бенни покачал головой:

– Позвонил отец. И у меня есть сотовый.

– А... понятно. – Я постаралась вести себя так, будто это совершенно нормально, будто я знаю уйму подростков, у которых есть свои собственные сотовые телефоны. Мне ужасно хотелось выпросить Бенни о разных мелочах жизни в его мире. Хотелось хорошенько пощипать его перышки и увидеть оголенную кожу. – И он не предложил прислать за тобой водителя, нет?

– Тебя почему-то ужасно интересует, какими средствами передвижения я пользуюсь. Тема очень скучная, на мой взгляд. – Извини. Просто ты вроде бы не из тех, кто ездит на автобусе.

Бенни посмотрел на меня, и по его лицу пробежала тень печали.

– Значит, ты знаешь, из какой я семьи.

Я почувствовала, что краснею:

– Да нет, не то чтобы... Прости, это было невежливо с моей стороны.

Прежде мне ни разу не доводилось разговаривать с богачом. Может быть, следовало учтиво не замечать той роскоши, которая их окружала? Может быть, их богатство было столь же очевидным, как их внешность, цвет волос, национальность или спортивные таланты? Почему говорить об этом считалось неприличным?

– Нет, – ответил Бенни. – Все нормально. Да, у нас есть водитель, но если бы мои родители прислали его за мной, я бы их убил. Хватит уже того, что...

Он не договорил, и я вдруг поняла, что богатство так же угнетает его, как меня – наша кочевая жизнь.

Наша очередь подошла, и мы заказали кофе. Когда я достала кошелек с мелочью, Бенни взял меня под локоть.

– Не делай глупостей, – сказал он.

– Я могу себе позволить чашку кофе, – ответила я и словно бы оцетинилась.

Я задумалась: а знает ли Бенни, из какой я семьи?

– Можешь, конечно, – сказал Бенни и быстро отдернул руку, после чего вынул нейлоновый бумажник из заднего кармана и положил на стол одну хрустящую, новенькую сто долларовую купюру. – Но зачем тратить деньги, когда в этом нет нужды.

Я смотрела на эти сто долларов, стараясь не вести себя по-идиотски, но не получилось.

– Тебе родители дают сотни на карманные расходы?

Бенни рассмеялся:

– Господи, нет, конечно. Карманных денег мне вообще больше не дают – не доверяют. Эти деньги я стащил из отцовского сейфа. В качестве кодовой комбинации он использует дату моего рождения. – Бенни широко, заговорщицки улыбнулся мне. – Для человека, считающего себя намного умнее других, мой отец на самом деле довольно туповат.

Теперь, оглядываясь на начало нашей дружбы, я вспоминаю это неловкое время, и сладкое, и горькое, как мы оба спотыкались, бродя около колоссальных различий тех миров, в которых мы выросли. Общее мы находили в основном в том, что нам обоим не нравилось. Мы были странной, неравной парочкой. Мы стали встречаться после школы пару раз в неделю.

Бывали дни, когда я смотрела вслед задним фарам промчавшегося мимо меня «лендровера», набравшего скорость. Но чем дальше, тем чаще я обнаруживала Бенни, ожидавшего меня на автобусной остановке. Он всегда приносил пару запасных варезек в рюкзаке и молча протягивал их мне, а потом мы переминались с ноги на ногу на морозе. Доехав до города, мы шли в кафе «У Сиды», пили кофе и делали уроки. Бенни любил рисовать, и я наблюдала за тем, как он рисует в блокноте комиксы, изображая посетителей кафе. Потом мы шли на заснеженный берег озера и смотрели на то, как ветер превращает воду в ледяное желе.

– А ты едешь со мной на автобусе потому, что тебе хочется, или потому, что твоя мама так часто «расквашивается»? – спросила я у Бенни однажды в феврале, когда мы с ним сидели на берегу озера за засыпанном снегом столиком для пикника и пили быстро остывающий кофе из бумажных стаканов.

Затянутой в перчатку рукой Бенни отломил с края столика сосульку и сжал ее, как кинжал:

– Я ей сказал, что ей больше не надо меня забирать после школы, и она обрадовалась. – Он изучил взглядом острый конец сосульки и протянул руку к воде, держа сосульку, как волшебную палочку. – Она иногда откалывает такие номера и тогда не любит выходить из дома.

– «Номера»?

– Ну, понимаешь... Она вроде как теряет равновесие. Начинается с того, что она устраивает сцены на публике... ну, кричит на слуг, получает штрафы за превышение скорости, тратит бешенные деньги в магазинах, резвится в ресторанах. Тогда отец в итоге срывается на нее, а она забирается в постель и не желает неделями выходить из дома. Отчасти мы из-за этого сюда и перебрались. Это главное. Отец решил, что для матери будет полезна перемена мест. Ну, ты понимаешь, он решил увезти ее из большого города, от всего этого... – Бенни изобразил жестом кавычки, – «давления» светской жизни.

Я задумалась о женщине, которая была едва различима за рулем «лендровера». Руки в кожаных перчатках, голова накрыта капюшоном парки, отороченным пушистым мехом. Я пыталась представить, как она, облачившись в шелка и бриллианты, пьет шампанское за завтраком, а во второй половине дня нежится, принимая водные процедуры и массаж.

– Вот не думала, что посещать вечеринки так утомительно. Надо будет не забыть об этом, когда меня в следующий раз пригласят на бал.

Бенни рассмеялся и скорчил рожицу:

– Думаю, мать просто достала отца своими выходками. – Он немного помедлил. – Да и я тоже. Мы то и дело порочим доброе имя Либлингов. Вот он на время и притащил нас сюда, в это тухлое старинное поместье. Как непослушных детишек. «Ведите себя хорошо, а не то я вас тут насовсем оставляю» – типа того. Отец у меня суровый: если сразу не добивается того, чего хочет, будет угрожать тебе до тех пор, пока своего не добьется.

Я задумалась о словах Бенни.

– погоди. А ты что натворил?

Бенни стал тыкать сосулькой в снег на столике, оставляя идеально круглые ямки:

– Ну... меня-то просто вышибли из школы, начнем с этого. Я угощал одноклассников риталином⁴³. А школьное начальство решило, что меня можно считать наркодилером. Хотя денег я за таблетки не брал. Я считал, что доброе дело делаю.

– погоди. С этого места поподробнее. Ты на риталине сидишь?

– Да меня чем только не пичкают. – Бенни перевел взгляд на белые барашки волн. – Риталин, потому что я слишком много сплю и рассеян на уроках, вот мне и поставили диагноз

⁴³ Риталин (метилфенидат) – стимулирующее лекарственное средство, которое используется для лечения синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) и нарколепсии.

– ОКР⁴⁴. А кроме того, еще миленький коктейль из антидепрессантов, потому что я слишком много времени провожу в своей комнате один, а это конечно же означает, что я мрачный тип и социопат. Ну, это же так очевидно: если ты не желаешь ни в чем участвовать, значит, ты психически болен.

Я снова задумалась.

– Если так, то я тоже псих.

– Поэтому ты мне и нравишься. – Бенни улыбнулся и смущенно опустил голову. – Я почти не сомневаюсь: мать с отцом хотят, чтобы я больше походил на сестру. Ванесса делает все, чего от нее ждут. Светская девица, королева выпускного бала, капитан теннисной команды – это в школе. А потом она поступает в отцовскую alma mater, чтобы родители могли хвастаться ее успехами на крутых вечеринках. Выйдет замуж молодая, настреляет им наследников, будет выглядеть красоткой на семейных фоточках. – Бенни поморщился.

– Звучит жутковато.

Он пожал плечами:

– Она моя сестра. – Он несколько секунд молчал. – В общем, я почти уверен, что отец опасается, как бы я не стал *странным*, как мать, вот он и пытается выбить из меня всякую дурь, пока не стало слишком поздно. А мать всеми силами старается меня держать дома, чтобы не думать о том, что дома-то надо на самом деле держать ее.

Я сидела рядом с Бенни за столиком для пикника и гадала, как быть со всеми этими новостями. Я не привыкла к подобным дружеским признаниям, когда вдруг поднимается занавес и ты видишь, что творится за кулисами. Мы сидели и смотрели на облачка пара, срывавшиеся с наших губ и таявшие в воздухе.

– А моя мать легкомысленная, – вдруг выпалила я. – Да, она легкомысленная, делает кучу глупостей, а когда совсем напортачит, спасается бегством. Нет, я знаю, что хочет все делать по-хорошему – по крайней мере, когда речь идет обо мне. Она только того и хочет – обо мне заботиться, но я устала от ее неудач. Получается, что из нас двоих взрослая я.

Бенни изучающе посмотрел на меня:

– Хотя бы твоя мать не пытается тебя изменить.

– Шутишь? Она вбила себе в голову, что я стану супер-ученой-рок-звездой-президентом-председателем-совета-директоров. Нет, она на меня не давит. Просто я должна добиться всего того, что не удалось ей, стать тем, кем она не смогла стать. Я должна сделать так, чтобы она уверилась в том, что своей жизнью не окончательно угробила мою.

Я вылила остатки холодного кофе под лавочку и стала рассматривать коричневые брызги на белом снегу. Меня удивили собственные слова. Я тут же пожалела о них – ведь я словно бы каким-то образом предала мать. И все же что-то пробудилось внутри меня, какое-то темное и горькое зерно негодования. Прежде я никогда ничего подобного не ощущала. Я наслаждалась этим чувством, позволила ему заполнить меня. Почему моя жизнь такова? Почему моя мать не умела печь маленькие кексы? Почему она не работала администратором в ветеринарной клинике или воспитательницей в детском саду? Почему я все время чувствовала себя так, словно все в моей жизни идет наперекосяк, что у меня нет шанса честно достигнуть цели и, наверное, никогда не будет?

Что-то прикоснулось к моей спине. Это была рука Бенни. Он попробовал бережно преодолеть расстояние между нами и осторожно прикоснулся ко мне. Словно бы обнял меня, но не до конца. Мы оба были в теплых парках, и их толстый наполнитель отделял нас друг от друга. Я не могла ощутить тепло тела Бенни, закрытого коконом куртки. Я опустила голову на его плечо, и мы несколько минут сидели молча. Снова пошел снег. Я чувствовала, как снежинки прикасаются к моим щекам и превращаются в крошечные холодные капельки.

⁴⁴ Обсессивно-компульсивное расстройство.

- А здесь не так уж и плохо, – пробормотала я.
- Да, – согласился Бенни. – Не так уж плохо.

Почему нас потянуло друг к другу? Может потому, что других вариантов не было, или все же что-то особенное таилось в наших характерах, что-то, что нас объединяло? Теперь, когда миновало десять лет, я оглядываюсь назад и гадаю – может быть, мы все-таки сошлись не из-за того, что нас сближало, а из-за того, что было в нас разным? Может быть, то, что мы оба были в Тахо чужаками и прибыли туда как бы с двух крайних точек некоей шкалы ценностей, означало, что мы на самом деле не способны что-то сравнивать и противопоставлять и выяснять, чего нам обоим недостает. Мы были родом из такого отчаяния, что просто ничего не могли поделать, кроме как только потянуться друг к другу. Мы были подростками и ничего лучше этого не знали.

Можно так ответить на этот вопрос. А можно иначе: возможно, первая любовь – это просто неизбежное эмоциональное потрясение, когда ты встречаешь первого человека в жизни, которому ты вправду безразличен.

К началу марта наши обычные встречи – автобус, кафе, скамейки на берегу – пришлось отменить. Стало холоднее, задул арктический ветер, а красивый заснеженный пейзаж с туристических открыток весь покрылся толстой коркой льда. Сдвинутый бульдозерами на обочины дорог снег лежал грязными, почерневшими сугробами. И настроение у местных жителей было соответствующее. Они уныло тащились по жизни, преодолевая третий месяц зимы.

- Как-то раз, ближе к вечеру, когда мы ехали из школы до города, Бенни сказал мне:
- Давай сегодня зайдем к вам.

При мысли о нашем домике, где к стенам были пришпилены куски ткани с блестками, где стояла разномастная паршивая мебель, а крышка кухонного стола была изрезана ножом, мне стало не по себе. Но сильнее всего меня испугала мысль о матери – какой шум она поднимет из-за Бенни. Я представила, что Бенни видит, как моя мать собирается на работу, как валит пар из ванной, как визжит фен. Представила, как после работы мать отклеивает от век накладные ресницы и бросает их на журнальный столик в гостиной.

- Лучше не надо, – сказала я.

Бенни скорчил рожицу:

- Да ладно. Вряд ли все настолько плохо.

– Домик совсем крошечный. Мать нам будет все время мешать. – Я растерялась. – Давай лучше к тебе пойдем.

Я ждала, что Бенни отведет взгляд и тем самым даст мне понять, что я перешла запретную линию. Но он только быстро улыбнулся.

- Пойдем, – сказал он. – Только дай мне слово, что не струсил.
- Не струшу.

Взгляд Бенни стал печальным.

- Да нет, струсил. Но это нормально. Я тебя прощаю.

На этот раз, доехав до Тахо-Сити, мы не пошли в город, а пересели на другой автобус и направились к западному берегу озера. Чем ближе мы были к дому, тем больше волновался Бенни. Он размахивал руками и постукивал ногами и зачем-то начал читать мне лекцию про стили комиксов, о которых я даже не слышала.

А потом он вдруг сказал:

- ОК, приехали.

Он вскочил и дал знак водителю, что мы хотим выйти. Автобус послушно содрогнулся, останавливаясь, двери открылись, и мы оказалась на заледеневшей дороге. Я устремила взгляд на показавшийся мне бесконечным забор, сложенный из речных валунов. Забор был таким высоким, что за ним ничего не было видно, и вдобавок его венчали железные кольца. Бенни

перебежал через дорогу, к воротам и набрал комбинацию цифр на кодовом замке. Створки ворот открылись, при этом нижний край противно скрежетал, задевая лед. Как только мы вошли за ворота, вдруг стало тихо-тихо. Я услышала, как ветер шевелит хвою сосен, как поскрипывают деревья под грузом тяжелых шапок снега на ветках. Мы медленно пошли по подъездной дороге, и наконец перед нами возник особняк.

Таких домов я прежде никогда не видела. Он был похож на настоящий замок – такой, каким я могла представить себе замок. И хотя я понимала, что это не так, все равно в этом доме было что-то чужеродное, иное. Глядя на него, я представляла себе фейерверки, приемы с застольями в саду, полированные деревянные лодки на озере и слуг в ливреях, подающих гостям шампанское в хрустальных бокалах с плоским дном.

– Не пойму, чего я тут должна была испугаться, – сказала я. – Мой дом в Вегасе был больше.

– Ха-ха. – Бенни показал мне язык. Язык был розовый и бугристый, а щеки у Бенни на морозе покраснелись. – Видела бы ты домину моего дяди в Пеббл-Бич. Наш рядом не стоял. Но наш дом жутко старинный. Моя мама всю дорогу жалуется, что дом древний, что тут сыро и что она бы тут все переделала, но я так думаю, это дохлый номер. Дом просто-напросто хочет оставаться таким, как есть.

С этими словами Бенни взбежал вверх по ступенькам крыльца и открыл парадную дверь с таким видом, будто это был дом как дом, ничего особенного.

Я переступила порог следом за Бенни и замерла. Дом внутри... ну... Единственное, с чем я в то время могла сравнить такое помещение, были помпезные казино в Лас-Вегасе «Белладжيو», «Венеция», со всеми их позолоченными финтифлюшками и колоссальными стараниями создания оптических иллюзий. А здесь было нечто совсем другое: я совершенно ничего не знала о том, что меня окружало – картины, мебель, множество статуэток на комодах, буфетах и книжных полках, – и все же даже в полумраке холодной прихожей я смогла увидеть, что на всем этом лежит лоск подлинности. Мне хотелось все потрогать, ощутить гладкость лакового покрытия на столе красного дерева и далекую прохладу фарфоровых ваз.

Оттуда, где стояла я, дом раскрывался во все стороны: за десятком дверей проглядывали строго обставленные комнаты, были видны бесконечные коридоры и каменные каминные – такие огромные, что в каждом из них мог бы поместиться автомобиль. Я запрокинула голову, чтобы посмотреть на потолок, находившийся на высоте двух этажей, и увидела деревянные стропила, вручную, с помощью трафаретов, разрисованные переплетающимися между собой виноградными лозами. Грандиозная лестница, плавными поворотами ведущая наверх вдоль дальней стены, была устлана красной ковровой дорожкой и освещена гигантской бронзовой люстрой с хрустальными подвесками в виде слез. И со всех сторон дерево – резьба, панели, инкрустация, – и все отполировано так, что казалось почти живым.

По обе стороны от громадной лестницы на стенах висели портреты маслом – гигантские изображения мужчины и женщины, неподвижно замерших, облаченных в торжественные наряды и глядящих неодобрительно друг на друга из позолоченных рам. Эти портреты, как я понимаю теперь, происходили из определенной, не имеющей никакой ценности эпохи портретной живописи – остатков школы Сарджента⁴⁵ начала двадцатого века, но в то время мне показалось, что это очень ценные произведения искусства. «УИЛЬЯМ ЛИБЛИНГ II» и «ЭЛИЗАБЕТ ЛИБЛИНГ», – гласили маленькие медные таблички под картинами, совсем как в музее. Я представила себе эту женщину – прабабушку Бенни? – плывущую по этим комнатам в платье с пышной широкой юбкой, и атласный подол шуршит, задевая натертый до блеска паркет.

– Красиво, – только и сумела вымолвить я.

⁴⁵ Джон Сингер Сарджент (1856–1925) – американский художник, один из наиболее успешных живописцев периода *Belle Époque*.

Бенни толкнул меня плечом. Он словно бы хотел убедиться, что я не сплю.

– Да нет. Это же логово барона-грабителя. Мой прапрадед, тот самый, который выстроил эту гору дерьма, попал под суд за то, что отказался расплатиться с архитектором и строителями. Не из-за того, что ему дом не понравился, и не из-за того, что денег не хватило, а просто потому, что был мерзавцем. Когда он умер, в его некрологе было написано, что он был «скрупулезно бесчестен». Мой отец этот фрагмент некролога вырезал и вставил в рамочку. Висит в библиотеке. Он этим гордится. Думаю, мой прапрадед – ролевая модель для моего отца.

Мне показалось, что нам лучше говорить шепотом.

– А он здесь? Твой папа?

Бенни покачал головой. В холле, под высоченными потолками, Бенни казался меньше ростом несмотря даже на то, каким он был высоким.

– Здесь он обычно бывает в выходные. А на неделе он в городе. Сидит, знаешь ли, в своем роскошном кабинете с видом на залив и решает судьбу фабричных рабочих, только что лишившихся работы.

– Твоей маме это, наверное, не нравится?

– Что его дома не бывает? Может быть, – произнес Бенни уныло. – Она мне почти ничего не говорит.

– Но она-то дома, да? – спросила я, не совсем понимая, чего мне больше хочется – чтобы мать Бенни была дома или чтобы ее не было.

– Ага, – кивнул Бенни. – Но она наверняка у себя, наверху, смотрит телевизор. А если она поймет, что я пришел не один, она уж точно не спустится, потому что для этого ей надо всерьез одеться. – Бенни бросил рюкзак у подножия лестницы и, запрокинув голову, посмотрел вверх и прислушался – не вызвало ли наше появление беспокойства? Не вызвало. – А теперь пойдем в кухню, посмотрим, как там дела.

Следом за Бенни я прошла в глубь дома, в кухню, где пожилая латиноамериканка орудовала поварским ножом, нарезая грудку овощей.

– Лурдес, это Нина, – сказал Бенни и протиснулся мимо кухарки к холодильнику.

Лурдес тыльной стороной ладони откинула прядь волос с лица и глянула на меня с прищуром:

– Подружка из школы?

– Да, – кивнул Бенни.

Морщинистое лицо кухарки озарилось широченной улыбкой.

– Хорошо. Голодная?

– Нет, спасибо, – ответила я.

– Она голодная, – уточнил Бенни, открыл дверцу холодильника, порылся и вынул половину чизкейка. – Можно, мы его съедим?

Лурдес пожала плечами:

– Твоя мама не хочет. Ешьте весь.

Она отвернулась к горе овощей и возобновила атаку. Бенни взял из выдвижного ящика две вилки и вышел из кухни через другую дверь. Я пошла следом за ним, все еще оглушенная всем тем, что меня окружало. Мы оказались в столовой, где стоял длинный темный стол, отполированный до такого блеска, что я увидела свое отражение. Над столом висела хрустальная люстра, озаряющая полумрак рассеянными радугами. Бенни посмотрел на торжественный стол, держа тарелку с чизкейком на вытянутой руке, и растерялся:

– Знаешь, у меня есть идея получше. Пойдем в домик зрителя.

Я не поняла, что это значит.

– А зачем нам зритель?

– О, на самом деле у нас давно уже нет никакого смотрителя. Кроме нас, никто не живет в поместье. Если на выходные приезжают гости, они могут жить в этом домике. А это случается... можно сказать, никогда.

– А мы зачем туда пойдём?

Бенни улыбнулся:

– Собираюсь тебя кое-чем угостить.

Вот так возник новый ритуал времяпрепровождения после школы. Два-три раза в неделю мы добирались на автобусе до дома Бенни, брали на кухне еду, проходили через черный ход и оказывались на заднем крыльце, выходящем на лужайку. Вернее говоря, лужайка тут была летом, а в это время года тут простиралось большое снежное поле. Мы шли по снегу, ступая в следы, оставленные нами раньше, и наконец доходили до домика смотрителя, таившегося на самом краю поместья. Мы входили, и Бенни закуривал косяк. Потом мы лежали на старом грязном диване, обитом узорчатой парчой, курили и болтали.

Мне нравилось опьянение от травки. Руки и ноги становились тяжелыми, а голова – легкой. Это была полная противоположность тому, как я чувствовала себя обычно. Особенно мне нравилось это ощущение рядом с Бенни. Между нами словно бы исчезали границы. Мы ложились на противоположных краях дивана, а наши ноги переплетались в его центре, и казалось, будто бы мы части единого организма: мое сердце бьется в унисон с сердцем Бенни, и там, где наши тела соприкасаются, от него ко мне переходит энергия, и наоборот. Жаль, я не могу вспомнить, о чем мы говорили, потому что в то время казалось, что мы обсуждаем что-то невероятно важное, а на самом деле это была глупая болтовня обкуренных подростков. Мы жаловались друг дружке на учителей, говорили о существовании НЛЮ, о жизни после смерти, о трупах, лежащих на дне озера Тахо.

Помню, мне казалось, что в той комнате словно бы рождалось нечто особенное – наши отношения запутывались и искажались, так странно. Ведь мы были просто друзьями, верно? Тогда почему мне порой, глядя на лицо Бенни, озаренное боковым предвечерним светом, хотелось лизнуть веснушки на его скуле, чтобы попробовать, какие они на вкус – не соленые ли? Почему прикосновение его ноги к моей ощущалось немым вопросом, на который он ждал от меня ответа? Порой я вдруг резко выныривала из опьяняющего забытья и осознавала, что мы уже несколько минут подряд молчим. В эти мгновения, когда я смотрела на Бенни, я видела, что он разглядывает меня из-под длинных ресниц. Тогда, осознав, что его поймали на этом, он смущался и сразу отводил взгляд.

Только один раз за это время, еще в первые недели посещения домика смотрителя, мы встретились с матерью Бенни. Однажды, ближе к вечеру, когда мы шли через холл к кухне, свинцовую тишину огромного дома пронзил голос:

– Бенни? Ты здесь?

Бенни резко остановился и уставился в одну точку на стене, рядом с портретом Элизабет Либлинг. Его взгляд стал озабоченным.

– Да, мама.

– Иди ко мне, поздоровайся со мной.

Слова матери Бенни словно бы застревали у нее в глотке. Звуки как бы задерживались там, и она точно не знала, то ли проглотить их, то ли выплюнуть.

Бенни склонил голову ко мне, безмолвно прося прощения. Я пошла следом за ним по лабиринту комнат в ту часть дома, где раньше ни разу не бывала. Наконец, мы вошли в комнату, где вдоль стен от пола до потолка высились стеллажи с книгами. На полках стояли книги, с виду непривлекательные, без суперобложек. Впечатление было такое, словно их приклеили к полкам десятки лет назад и с тех пор не брали в руки. На деревянных панелях были развешаны охотничьи трофеи – головы лося и оленя. В углу на задних лапах стояло чучело медведя. У всех

зверей на мордах застыло свирепое выражение. Они словно бы возмущались тем, что были так унижены. Мать Бенни сидела на пухлом бархатном диване перед камином, подобрав ноги под себя. Вокруг нее лежали горы журналов, посвященных дизайну интерьера. Она сидела к нам спиной и даже не обернулась, когда мы вошли в комнату, поэтому нам пришлось обойти вокруг дивана и встать перед ней.

«Мы как попрошайки», – подумала я.

Стоя рядом с матерью Бенни, я убедилась в том, что она и в самом деле ослепительная красавица. Огромные и словно бы влажные глаза и лицо, чертами напоминавшее лисью мордочку. Рыжие волосы Бенни, видимо, унаследовал от нее, но цвет ее волос с годами потускнел. Они были гладкими, словно грива невероятно породистой и ухоженной лошади. Она была худая – настолько худая, что я подумала: если я подниму ее на руки и попробую усадить себе на колени, то она, чего доброго, сломается пополам. На ней был шелковый брючный костюм, а ее шею обвивал тонкий шарф. В целом, она выглядела так, будто только что вернулась с дорогого обеда во французском ресторане. Я еще подумала: «Интересно, а тут где-нибудь можно дорого пообедать?»

– Итак. – Мать Бенни отложила в сторону журнал и пристально посмотрела на меня. – Если я правильно понимаю, это твой голос я уже некоторое время слышу в нашем доме. Бенни, ты собираешься нас познакомить?

Бенни засунул руки в карманы:

– Мама, это Нина Росс. Нина, это моя мама, Джудит Либлинг.

– Приятно с вами познакомиться, миссис Либлинг.

Я протянула руку.

Мать Бенни уставилась на меня широко раскрытыми глазами, разыгрывая изумление:

– Что ж, кое-кому здесь знакомы хорошие манеры!

Она протянула мне мягкую, вялую руку, быстро сжала мои пальцы и почти сразу же отдернула руку. Я чувствовала, что она словно бы впитывает меня, продолжая при этом быстро перелистывать страницы журнала. Она явно замечала все – теряющие цвет розовые пряди волос и густую черную подводку вокруг глаз, пятна на моей парке и чей-то номер телефона на бумажке, вставленной в окошечко с прозрачным пластиком, и сапоги-луноходы с трещиной, заклеенной скотчем.

– Итак, Нина Росс. А почему же ты не катаешься на горных лыжах с остальными своими одноклассниками? Я думала, все только этим тут и занимаются.

– Я не умею кататься на горных лыжах.

– Ах, вот как.

Мать Бенни пробежала глазами фотографии с изображением роскошной нью-йоркской квартиры и согнула краешек листа, чтобы потом было легче найти статью.

– Бенни – превосходный лыжник, он тебе сказал об этом?

– Правда? – спросила я и перевела взгляд на Бенни.

В ответ кивнула его мать.

– С тех пор, как ему исполнилось шесть лет, мы ездили отдыхать в Сент-Мориц. Он обожал лыжи. Но почему-то он упорно отказывается вставать на лыжи здесь, когда мы фактически живем в снежных горах. Правда, Бенни? Горные лыжи, гребля, шахматы – сколько он всего любил, а теперь он хочет только одного – сидеть в своей комнате и рисовать комиксы.

Я заметила, как на шее Бенни набухают жилы.

– Мама, не надо.

– О, прошу тебя, милый, отнесись к моим словам с юмором. – Она рассмеялась, но смех получился нерадостный. – Итак, Нина. Расскажи мне о себе. Я очень любопытна.

– Мама.

Мать Бенни не сводила глаз с меня. Она сидела, чуть склонив голову к плечу, и разглядывала меня как некую диковинку. Под ее взглядом я чувствовала себя жертвой дорожной аварии. Я словно окаменела. Мне казалось, что я останусь тут навечно.

– Ну... Гм... Просто мы переехали сюда в прошлом году.

– Мы?

– Мы с мамой.

– А... – Миссис Либлинг понимающе кивнула. – И что же вас привело в эти края? Работа твоей матери?

– Можно и так сказать.

Мать Бенни терпеливо ждала продолжения.

– Она работает в «Фон дю Лак».

Бенни наконец потерял терпение:

– Ради бога, мама. Перестань выпытывать. Оставь Нину в покое.

– О, ну ладно, ладно. Тс... И как мне только не стыдно из-за того, что я пытаюсь узнать хоть крошку, хоть капельку о твоей жизни, Бенни. Впрочем, ступайте. Идите, прячьтесь там, где вы прячетесь каждый вечер. На меня внимания не обращайтесь. – С этими словами мать Бенни вернулась взглядом к журналам и стремительно перелистнула три страницы подряд, я еще удивилась, как она их не вырвала. – О, Бенни, кстати, тебе следует знать, что сегодня вечером твой отец придет к ужину, а это означает, что ужин будет семейный.

Она одарила меня многозначительным взглядом, словно бы желая сказать: «Ты не приглашена, так что улови намек и до темноты проваливай».

Бенни остановился на полпути до двери:

– Но ведь сегодня среда.

– Да, так и есть.

– Я думал, он до пятницы не появится.

– Что ж... – Мать Бенни взяла другой журнал. – Мы с ним говорили об этом, и он решил, что хочет бывать здесь чаще. С нами.

– Восхитительно, – с трудом скрывая сарказм, произнес Бенни.

Его мать оторвала взгляд от журнала, и ее голос прозвучал похоже на негромкое рычание:

– Бенни.

– Мама, – отозвался Бенни, тоном подражая матери.

Мне стало не по себе. Разве это было нормально – разговаривать с матерью так грубо и презрительно? Но мать Бенни приняла его реплику как должное. Она поцеловала кончики пальцев, послав Бенни воздушный поцелуй, после чего взяла очередной журнал и принялась проворно перелистывать страницы.

Нас она отпустила.

– Извини насчет этого, – сказал Бенни по дороге к кухне.

– Да не так уж плохо она себя вела, – на всякий случай сказала я.

Бенни скривился:

– Разве что с натяжкой.

– Но она встала, она не спит. И твой отец придет домой. Это же хорошо, верно?

– Не важно. Все это не имеет значения.

Но по тому, как изменилось выражение его лица, мне стало ясно, что все это очень даже имеет значение – просто Бенни не хочет, чтобы я об этом знала.

– На самом деле это значит, что отец появится за ужином, потому что мать соизволила встать с постели, и все должны сделать вид, будто все в порядке. А потом отец снова исчезнет туда, где он обычно проводит вечера. Он тут почти не бывает, потому что мать на самом деле не желает проводить время с ним. Просто она хочет, чтобы он являлся, когда она его пальчиком поманит. Это означает, что она как бы главная в их отношениях.

Я начала понимать, что Бенни пришлось изведать немалые порции психотерапии.

– А почему бы им просто не развестись?

Бенни коротко и горько рассмеялся:

– Дело в деньгах, глупышка. Дело всегда в деньгах.

До конца вечера Бенни ушел в себя. Похоже, он не мог перестать думать о поведении матери. И я тоже – о том, как она перелистывала страницы журналов. Ее словно бы охватил какой-то порыв, с которым она никак не могла справиться. Мы с Бенни закурили травку, а потом он вытащил из рюкзака один из своих блокнотов для рисования, а я стала делать уроки. Время от времени я ловила на себе его взгляд с другого края дивана. Я никак не могла избавиться от ощущения, что Бенни смотрит на меня глазами матери и это меняет его отношение ко мне. В тот вечер я ушла рано, а когда увидела мать с бигуди на голове, в кухне, где она готовила мне макароны, меня охватило теплое чувство благодарности.

Я подошла к матери сзади и обняла ее.

– Моя малышка. – Мать обернулась, оставаясь в моих объятиях, и крепко прижала меня к себе. – В чем дело?

– Да ни в чем, правда, – пробормотала я, уткнувшись носом в ее плечо. – У тебя все хорошо, мам, да?

– Лучше не бывает. – Она отстранила меня, внимательно рассмотрела и провела по моему лицу пальцем с розовым лаком на ногте. – А у тебя как? В школе все хорошо, да? Тебе там нравится? Отметки хорошие?

– Да, мам.

Все действительно было хорошо, несмотря на наши «курительные» вечера с Бенни. Мне нравилось делать трудные домашние задания, я со временем полюбила прогрессивную атмосферу в школе и учителей, которые делились с нами идеями, а не просто раздавали тесты на выбор. Прошло всего шесть месяцев, а я уже чаще всего получала высшие баллы. Моя учительница по английскому, Джо, недавно отвела меня в сторонку и дала мне буклет с летней программой Стэнфордского университета:

– Тебе стоит послать документы туда в будущем году, после одиннадцатого класса. Тогда тебе проще будет поступить в университет, – добавила Джо. – Я знакома с директором летней школы и могла бы дать тебе личную рекомендацию.

Я положила этот буклет на книжную полку и время от времени брала его и разглядывала школьников на обложке – обнимающихся, в одинаковых лиловых футболках, с лучистыми улыбками, с рюкзаками, набитыми учебниками. Конечно, это было слишком дорого, и все же впервые я почувствовала, что до *этой* жизни можно дотянуться. Может быть, мы придумаем как.

Мама просияла:

– Отлично. Я горжусь тобой, детка.

Ее улыбка была такой искренней, она была по-настоящему рада моим мизерным достижениям. И я подумала о Джудит Либлинг. У моей матери было много недостатков, но уж она точно не была холодной. Она никогда не стала бы меня унижать. Я никогда не застигла бы ее врасплох. Наоборот, она была готова отказаться от чего угодно ради меня снова и снова. И вот теперь мы с ней свили гнездышко здесь, где нам было безопасно и тепло, мы защитились от всех стихий. – А может быть, ты сегодня скажешь, что заболела, и мы побудем дома и посмотрим вместе кино? – спросила я.

Тень огорчения пробежала по лицу моей матери.

– Слишком поздно, детка. Менеджер просто с ума сходит, если кто-то пропускает свою смену. Зато в воскресенье я выходная. Так, может быть, сходим в «Кобблстоун» и посмотрим фильм, который там сейчас идет? Кажется, про Джеймса Бонда. А перед этим пиццей угостимся.

Я опустила руки:

– Хорошо.

Подал сигнал таймер на плите. Мать бросилась туда – нужно было слить воду с макарон.

– Да, и не беспокойся, я сегодня задержусь. Мне предложили две смены отработать. – Она радостно улыбнулась мне, и на ее щеках появились ямочки. – На макаронах протянем.

Как-то раз, в середине апреля, я огляделась по сторонам и обнаружила, что пришла весна. На вершинах гор все еще лежали снеговые шапки, покрытые ледяной коркой, а вот вокруг озера ливни смыли дочи́ста все сугробы. С наступлением весны Стоунхейвен стал выглядеть совершенно иначе. Произошел переход на летнее время, и теперь, когда мы входили в дом часа в четыре дня, внутри все еще было залито солнцем, на полу лежали пятна света, прошедшего через кроны сосен. Я наконец увидела зеленую лужайку, раскинувшуюся, словно покрывало, от дома до самого берега озера. Трава словно бы очнулась после зимней спячки. Вдоль тропинок появились фиалки, посаженные невидимым садовником. И вообще дом стал выглядеть не так зловеще и мрачно.

А может быть, просто я успела привыкнуть к Стоунхейвену. Я уже не чувствовала себя униженной, когда переступала порог особняка, начала класть свой рюкзак рядом с рюкзаком Бенни у подножия лестницы так, словно это было в порядке вещей. Однажды я даже встрети́лась с матерью Бенни. Она, словно бледный призрак, плыла по пустым комнатам, держа под мышками вазы. Бенни сказал мне, что его мать сейчас в стадии перестановок. Двигает мебель и что-то переносит с места на место. Когда я с ней поздоровалась, она только кивнула и потеряла щеку рукой выше локтя. На щеке остался грязный мазок.

Однажды воскресным утром, в начале весенних каникул, мы с матерью отправились в кафе «У Сиды», чтобы попить кофе с бубликами. Когда мы стояли в очереди, а мать флиртовала с щедрым бородатым менеджером, я вдруг услышала на фоне общего гомона голос Бенни. Он меня окликнул. Я обернулась и увидела его в конце очереди. Он стоял рядом с незнакомой девушкой, я ее раньше никогда не видела.

Я пошла к Бенни, не спуская глаз с девушки. С виду она была не местная. Отполированная и покрытая позолотой, как статуэтка «Оскара»: волосы, ногти, макияж – все светилось неярким лоском. Одета она была всего-навсего в джинсы и толстовку Принстонского университета, но от нее в буквальном смысле пахло деньгами. Рядом с Бенни я ничего подобного не ощущала. Что-то было такое в фасоне ее джинсов, подчеркивающих достоинства ее фигуры, блеске теннисного бриллиантового браслета⁴⁶, выглядывающего из-под обшлага толстовки, в запахе натуральной кожи, источаемом ее сумочкой. Она выглядела как модель с обложки каталога Лиги плюща – яркая, чистенькая, смотрящая в будущее.

Когда я подошла, девушка смотрела на экран своего сотового телефона. Она словно бы совершенно не замечала шума в кафе. Бенни обнял меня за плечо, его взгляд заметался между нами.

– Нина, это моя сестра Ванесса. Ванесса, это моя подруга Нина.

Старшая сестра, вот как. Ну конечно. Эмоции раздирали меня пополам. Желание ей понравиться, мечта *стать* ей, понимание, что это невозможно, и, наконец, осознание того, что мне не стоит желать превращаться в нее, и одновременно с этим – неспособность от этого желания избавиться. Она выглядела как то самое будущее, которое для меня воображала моя мать, и, глядя на Ванессу, я понимала, как на самом деле оно от меня далеко.

⁴⁶ Гибкий браслет из белого золота или платины, усыпанный одинаковыми по размеру бриллиантами. Украшением-легендой этот браслет стал в 1987 благодаря звезде тенниса Крис Эверт, которая любила надевать его во время игры. Однажды во время матча на Открытом чемпионате США обожаемый браслет Крис слетел с ее запястья. Она попросила судью приостановить игру, чтобы найти на корте свой браслет. Когда ее спросили об этом случае в интервью, она назвала свое украшение «теннисным» браслетом, так он и стал называться с тех пор.

Ванесса наконец оторвала взгляд от телефона и заметила, что ее брат кого-то обнимает за плечи. При этом в ее огромных зеленых глазах что-то промелькнуло – удивление, а может быть, восторг, но и то и другое тут же испарилось, когда она принялась меня разглядывать. Она была хорошо воспитана, так что и речи быть не могло о том, чтобы мерить меня взглядом сверху вниз, но все же я мгновенно поняла: она как раз из тех, кто привык к такому взгляду. В ней все было нарочным и наблюдательным. Я кожей чувствовала, как она оценивает части меня, в уме производит сложение и приходит к выводу, что сумма слишком ничтожна, внимания не стоит.

– Очень рада, – неубедительно произнесла она.

На этом для нее со мной было покончено. Она вернулась взглядом к телефону, сделала шаг назад и ушла в сторону.

У меня запылали щеки. Наверное, я впервые поняла, что в моей внешности все, абсолютно все неправильно. Слишком много косметики, и наложена она кое-как. Одежда, призванная маскировать толстые бедра и живот, на самом деле выглядела мешковато. Мои волосы не выглядели красивыми и ухоженными – нет, они были сожжены краской из дешевого супер-маркета. Я выглядела дешево.

– Это твой друг из школы?

Неожиданно рядом со мной оказалась моя мать, и я очень этому обрадовалась. Стало можно отвлечься от мыслей о себе и Ванессе.

– Меня зовут Бенни. – Он с готовностью протянул руку моей матери. – Очень рад с вами познакомиться, миссис Росс. В глазах моей матери мелькнуло изумление. Не впервые ли в жизни кто-то назвал ее «миссис»? Мелькнуло и пропало. Она пожала руку Бенни и держала ее на полсекунды дольше, чем следовало бы. Бенни покраснел.

– Хотела бы сказать, что много слышала о тебе, – проговорила моя мать. – Но Нина не очень откровенничает со мной о своих новых друзьях.

– Потому что у меня их не так много, – сказала я и добавила: – Только один.

Бенни встретился со мной взглядом и улыбнулся.

– Могла хотя бы рассказать мне, что у тебя есть такой симпатичный новый друг и что у него есть имя. – Она весело улыбнулась Бенни, на ее щеках появились ямочки. – Готова об заклад побиться: ты своим родителям рассказываешь все-все про *своих* друзей.

– Нет, если есть такая возможность.

– Ну что ж... Нам, родителям, надо объединяться и секретничать. Сверять карты, так сказать.

Моя мать сделала большие глаза. Но я заметила, что она внимательно наблюдает за тем, как Бенни мне улыбается, смотрит на мои зарумянившиеся щеки.

Несколько секунд длилось неловкое молчание, но вот моя мать огляделась по сторонам:

– Хотела бы я знать, где сливочник, да и сахарница. Я это пойло могу только с тонной сахара выпить, – сказала она. – Нина, ты скажи мне, когда будешь готова уйти.

С этими словами она отошла к кофейному бару в конце стойки. Это был такой вежливый маскарад. Потом она долго и нарочито трясла дозатором сахара, как будто мы не стояли всего в трех футах от нее. Я мысленно поблагодарила маму за ее появление рядом со мной.

А мы с Бенни только молча ухмыльнулись друг дружке. Но вот наконец подошла наша очередь.

– Мне кофе, моей сестре капучино, – сказал Бенни, обратившись к бариста.

– С соевыми сливками, – добавила Ванесса, не отрывая взгляд от телефона.

Бенни сделал большие глаза:

– На это можете внимания не обращать.

Он выудил из бумажника стодолларовую купюру.

Ванесса наконец отвела взгляд от телефона на пару секунд и заметила деньги. Она резко шагнула вперед, схватила брата за запястье и уставилась на купюру:

– Господи, Бенни, ты опять таскаешь деньги из сейфа? В один прекрасный день отец это заметит, и тебе здорово прилетит.

Бенни отбросил руку сестры:

– У него там миллион долларов. Он ни за что не заметит, что не хватает каких-то пары сотен.

Ванесса стрельнула глазами в меня, но быстро отвела взгляд.

– Заткнись, Бенни, – прошипела она.

– Да на что на тебя сегодня нашло, Ванесса?

Ванесса вздохнула и наигранно всплеснула руками:

– Честность, братишка. Неплохо бы и тебе ей поучиться.

Теперь она намеренно на меня не смотрела. Ей словно бы хотелось верить, что если она не будет меня замечать, то проступок Бенни исчезнет из ее памяти. Телефон, который она держала в руке, завибрировал.

– Послушай, я должна ответить. Вернусь через секунду. Не забудь, что на обратном пути нам нужно остановиться около аэродрома, я должна взять свои темные очки.

С этими Ванесса развернулась и вышла из кафе.

– Извини. Обычно она не ведет себя так грубо. Мама заставляет ее лететь с нами в Париж, а она хотела с друзьями в Мексику, вот и бесится.

Но я уже не думала о бесперемонности Ванессы. Я пыталась представить себе миллион долларов в темном склепе, в сейфе в недрах Стоунхейвена. Кто же держал так много денег дома наличными? И как это выглядело? Сколько места мог занять миллион долларов? Мне вспоминались фильмы... Грабители набивают дорожные сумки ярко-зелеными пачками купюр... Я представила себе банковский сейф, гигантскую круглую стальную дверь с замком-штурвалом, повернуть который могут только два человека.

– Твой отец вправду хранит миллион долларов дома?

Бенни явно занервничал:

– Не надо мне было ничего говорить.

– Но зачем? Он, что, банкам не доверяет?

– Доверяет. Но дело не только в этом. Это на всякий случай. Он всегда говорит, что важно иметь наличность под рукой, понимаешь? Если все пойдет наперекосяк и нужно будет сматывать удочки. В нашем доме в Сан-Франциско он тоже хранит какую-то сумму в наличных.

Бенни говорил об этом спокойно и даже небрежно, словно это было совершенно нормально – иметь запас денег, выражающийся семизначной цифрой. «Для чего? – гадала я. – На случай, если придется спастись, когда наступит зомби-апокалипсис? Или нагрянет облава из ФБР?»

Но тут бариста протянул Бенни кофе для него и Ванессы, а когда Бенни повернулся ко мне, я увидела, как по его шее вверх взбираются пятна знакомой нервной красноты.

– Послушай, мы можем не говорить про деньги моего отца?

По взгляду Бенни я поняла, что нарушила некий негласный уговор между нами. Мне следовало делать вид, будто я не знаю, что Бенни богат, хотя я отлично знала, что это так. Ну хорошо, я это знала, но должна была делать вид, что мне это безразлично. И тем не менее это было именно так: миллион долларов лежал в сейфе «так, на всякий случай», а на аэродроме стоял их личный самолет, готовый унести все семейство в Париж, и два пограничных столба обозначали края пропасти между нами. Я обернулась и посмотрела на маму, стоявшую рядом со стойкой в ношенной парке из «Уолмарта». Посмотрела и подумала о том, каково маме смотреть на людей, которые каждую ночь выбрасывают десятки тысяч долларов за игровыми столами – выбрасывают с такой легкостью, словно это просто бумажки.

И тут я осознала с внезапной ясностью, каково было второе намерение моей матери при выборе стиля жизни воровки... ну да, *прежнего* стиля жизни. Мы с ней жили, прижимаясь

носом к стеклу, и смотрели через это стекло на тех, у кого денег и всего прочего было намного больше, чем у нас. Мы смотрели на них, а они небрежно проходили мимо, купаясь в своих привилегиях. Особенно ярко это было заметно здесь, в курортном городке, где рабочий класс лицом к лицу сталкивался с классом отдыхающих, а у представителей этого класса имелись билеты на лыжный подъемник за сто тридцать долларов, роскошные универсамы и особняки на берегу озера, пустовавшие триста двадцать дней в году. Так стоило ли удивляться, что люди по ту сторону витрины могли в один прекрасный день решить схватить молоток, разбить стекло и взять что-то для себя? *«Мир можно разделить на два вида людей: на тех, кто ждет, что им что-то дадут, и на тех, кто сам берет, что хочет»*. Моя мать точно была не из таких, кто будет смиренно смотреть через стекло на другую сторону и надеяться, что однажды попадет туда.

А я?

Теперь я, конечно, знаю ответ на этот вопрос.

А в тот день...

– Прости, – сказала я Бенни, мучаясь от чувства вины.

Нет, такую «банку с червяками» можно было откупорить, только если я хотела потерять Бенни.

– Все нормально, ничего такого. – Он как ни в чем не бывало сжал мою руку выше локтя. – Послушай, завтра мы улетаем, но мы снова увидимся, как только я вернусь, ладно?

– Привези мне французский багет, – попросила я.

От широченной улыбки у меня заболели щеки.

– Заметано, – отозвался Бенни.

Бенни вошел в автобус в первый день занятий после весенних каникул дерганный и напряженный. Впечатление было такое, будто за время каникул он заработал нервное перенапряжение. Увидев, как я вхожу в автобус, он вскочил и замахал над головой двумя длинными багетами, перекрещивая их, будто мечи.

– Багеты для мадемуазель, – гордо возвестил он.

Я взяла у него багет и отломала кусочек. Багет был несвежий, но я все равно стала его жевать, тронутая тем, что Бенни не забыл о моей просьбе. Правда, при этом у меня все же мелькнула мысль о том, что сын миллионера купил для меня хлеба на пенни (и снова в глубине моего сознания сверкнула картина – зеленые пачки долларов в темном потайном сейфе). Но конечно же я сразу напомнила себе, что главное то, что Бенни услышал мою просьбу, что он думал обо мне и привез то, что я попросила. Вот что было в самом деле важно. Вот такой я человек, понимаете?

И все-таки...

– Господи, как я рад тебя видеть. – Бенни обхватил мои плечи со странной решительностью. Я почувствовала, что с ним что-то происходит, но что – не могла понять. – Наконец я в здравом уме.

– Как Франция?

Бенни пожал плечами:

– Большую часть времени я лопал пирожные, ожидая, пока мать с сестрицей закончат шопинг. А потом, когда мы возвращались в гостиницу, отец выходил из себя, увидев, сколько они всего накупили. Просто ужас.

– Пирожные и шопинг. Да, что и говорить, ужас-ужас. А я все каникулы проторчала в городской библиотеке, изучала вопрос биологической индивидуальности. И ты, похоже, мне завидуешь.

– Честно говоря, да. Мне бы лучше где угодно с тобой, чем с моей семейкой в Париже. – Бенни крепче сжал мое плечо.

И снова во мне сверкнула эта новая искра недовольства. Париж... для меня это звучало волнующе и непостижимо. Мне казалось, Бенни мог хотя бы из вежливости оценить, как ему повезло. И все же, видимо, он искренне верил в то, что со мной ему интереснее, чем на каникулах во Франции, а кто я была такая, чтобы отказываться от такого комплимента?

Мы ели багеты всю дорогу, оставляя позади себя ковровую дорожку из черствых крошек, и наконец подошли к воротам Стоунхейвена. Но как только мы оказались на территории поместья, Бенни не пошел к дому. Как только мы оказались на подъездной дороге, он схватил меня за руку и потащил влево, где сосны около дома росли особенно густо.

– Что происходит?

Бенни прижал палец к губам и указал на окно на верхнем этаже.

– Мама, – произнес он одними губами.

Я не поняла, что он хотел этим сказать, но пошла следом за ним под соснами по тропинке. Мы обошли дом и вышли к домику смотрителя. Там Бенни сразу прошел в кухню, где мы хранили еду для перекусов, и вытащил из шкафчика бутылку. Он продемонстрировал ее мне – это была водка, на вид дорогая, финская.

– Мой запас травки закончился, – сказал Бенни. – А это я утащил из отцовского бара.

– Травка закончилась? Ты ее всю выкурил?

– Да нет. Мать устроила обыск в моей комнате до нашего отъезда во Францию. Нашла у меня под кроватью и все выкинула в унитаз. – Он смутился. – Короче, я на привязи. На самом деле тебя тут быть не должно. Мне запретили с тобой видаться. Вот почему мы в большой дом не вошли.

Я в уме сложила два и два. Странная бравада Бенни и то, как обнял меня за плечи в автобусе, словно я ему принадлежала, – всем этим он послал родителей куда подальше.

– Ты хочешь сказать, что они... обвиняют меня? За травку? Они думают, что я на тебя плохо влияю, потому что у меня... потому что у меня волосы в розовый цвет покрашены? И потому что я на горных лыжах не катаюсь?

Внутри меня заклокотали пузыри праведного гнева.

Бенни покачал головой:

– Я им сказал, что к тебе это никакого отношения не имеет. Проблема-то началась гораздо раньше. И они это знают. Просто они... проявляют излишнюю заботу. Иррациональную. Ну и фиг с ними.

Бутылка водки стояла между нами – тотем некоего символического преображения или мятежа, а может быть, попытки принести извинения.

Я протянула руку и взяла бутылку:

– А сок есть? Я бы «отвертку» смешала.

– Черт, нет сока. Только водка.

Бенни покраснел, встретившись со мной взглядом, и мне вспомнился один термин, о котором я прочла в книге: «*спиртная храбрость*».

Я открутила колпачок, поднесла горлышко бутылки к губам и сделала глоток. Раньше мне случалось понемножку пить мартини из бокала матери, но этот глоток был самым настоящим, напоказ. Водка обожгла глотку, я закашлялась. Бенни протянул руку и похлопал меня по спине. Наконец кашель унялся.

– Вообще-то я хотел предложить тебе стакан, но...

Он взял у меня бутылку, поднес к губам и содрогнулся, когда жидкость обожгла его пищевод. Водка потекла у Бенни изо рта сбоку, он вытер струйку рукавом футболки. Глаза у него заслезились и покраснели. Мы встретились взглядом и расхохотались.

От водки у меня стало горячо в желудке, закружилась голова, бросило в жар.

– Держи.

Бенни снова дал мне бутылку. На этот раз я проглотила целый дюйм водки и только потом оторвала бутылку от губ, чтобы отдышаться. Через пять минут мы стали пьяные, нас шатало из стороны в сторону, я налетала на стулья в гостиной и хохотала – мне так нравилась эта легкость в голове. А когда Бенни схватил меня, чтобы я не упала, и повернул к себе, я наконец набралась храбрости и поцеловала его.

С тех пор меня много лет целовали разные мужчины, и почти все они были куда более умелыми в этом деле, чем Бенни. Но первый поцелуй запоминаешь навсегда, и даже теперь я могу его подробно описать. Помню, какими шершавыми были его губы и удивительно податливыми. Как он закрывал глаза, когда я смотрела на него, каким серьезным и сосредоточенным он выглядел. Помню, какой ужасный звук я услышала, когда стукнулись друг о друга наши зубы, когда мы искали наилучшее положение для поцелуя... Бенни наклонился ко мне, а я встала на цыпочки, прижимаясь к его груди, чтобы удержать равновесие. Помню, как мы оторвались друг от друга, чтобы отдышаться, словно долго находились под водой.

Припав к Бенни, я слышала, как колотится его сердце – так сильно и громко, словно вот-вот выскочит из его груди и вылетит в дверной проем. Мы еще немного постояли, и его сердце забилося спокойнее. Бенни словно бы свыкался с новой реальностью.

– Ты не должна это делать из жалости или еще из-за чего-то такого... – прошептал он, уткнувшись лицом в мои волосы.

Я отстранилась и шлепнула его по руке:

– Я поцеловала тебя, дурачок.

Его длинные ресницы затрепетали. Его глаза были нежными и настороженными, как у оленя. Я вдыхала запах водки, исходящий от его губ – запах сладкого горючего.

– Ты красивая и умная, ты крутая, и я ничего не понимаю... – пролепетал Бенни.

– Да нечего тут понимать, – сказала я. – Перестань думать и напрягаться. Дай мне просто любить тебя и не думай ни о чем.

Но может быть, он был прав. На самом деле ничто не бывает таким уж чистым, каким кажется на первый взгляд. Всегда найдется что-нибудь сложное, когда снимаешь безукоризненный верхний слой с красивых вещей. Черный ил на дне безмятежного озера, твердая косточка внутри плода авокадо. Я до сих пор гадаю, почему поцеловала его тогда – хотела обозначить свои намерения, хотела его «пометить»? Его родители решили запретить мне видеться с ним, они считали, что я на него плохо влияю? Поцеловав Бенни, я словно бы объявила его родителям: «Катитесь куда подальше, он мой. В этот раз вам не победить. Пусть у вас есть все на свете, но ваш сын – мой».

Может быть, именно поэтому я чувствовала себя так уверенно, когда взяла Бенни за руку и повела его, пошатывающегося от водки, в темную спальню со скрипучей кроватью. Может быть, именно поэтому я дала огню водки распалить во мне дерзость, о которой я и не подозревала, именно поэтому я с такой готовностью поддалась всем ласкам. И вскоре одежда уже была брошена на пол, и мои губы стали скользить по телу Бенни, а его губы – по моему. Я поддалась и пронзительной, мгновенной боли, и всему, что последовало за ней. Это была дорога к моему будущему.

И все же, чем бы ни были продиктованы в то время наши порывы, то, что произошло с нами в тот день и случалось в последующие недели, было чистым и искренним. Домик смотрителя принадлежал нам, и то, чем мы занимались там, прячась за этими стенами, словно бы относилось к какому-то параллельному миру. В школе наши отношения оставались прежними – мы пробегали друг мимо друга по пути в классы, время от времени вместе ели пищу в столовой во время ланча и никогда не прикасались друг к другу, только порой наши ноги сплетались под столиком в столовой. Даже в автобусе по дороге к дому Бенни, хотя я ощущала, как нарастает электрическое притяжение, мы все равно не играли роль типичной парочки. Мы не

держались за руки, не писали на руке синей шариковой ручкой инициалы друг друга, не пили содовую из одного стакана через две соломинки. Мы ничего не произносили вслух, ничего не подразумевали. Только тогда, когда мы оказывались в нашем домике, все изменялось – так, будто мы слишком долго ждали этого. Весь день в школе и еще полчаса в автобусе, и только потом в нашем мире начинало царить доверие.

– И кто этот парень? – однажды вечером спросила у меня мать, когда я явилась домой перед ужином.

От моей кожи все еще исходил запах Бенни, и я подумала – неужели мать учуяла этот запах, увидела этот красный флаг подростковой страсти, пропитанный феромонами?

– А с чего ты взяла, что есть какой-то парень?

Мать стояла на пороге ванной и снимала с волос бигуди.

– Детка, если я хоть в чем-то что-то понимаю, так это в любви. – Она на секунду задумалась. – Но лучше назовем это сексом. Вы хотя бы предохраняетесь? Презервативы я держу в верхнем ящике тумбочки около кровати. Можешь брать сколько нужно.

– Господи, мама! Перестань! Просто скажи что-нибудь типа «Ты еще слишком маленькая» и на этом остановимся.

– Ты еще слишком маленькая, детка. – Мать прочесала кудряшки пальцами, чтобы они немного распрямились, после чего уложила их, как надо, лаком для волос. – Черт, да ведь мне было тринадцать, и кто я такая, чтобы рот раскрывать? И все-таки мне бы хотелось с ним познакомиться. Пригласи его как-нибудь с нами поужинать.

Я подумала над словами матери. Сказать ей, что этот тот самый парень, с которым я ее познакомил в кафе? А может быть, она уже подозревала, что это он, и ждала, что я признаюсь? А мне ужасно не хотелось переводить Бенни через Рубикон, разделявший наши миры. Это казалось опасным – таким, будто в процессе перехода этой черты что-то может сломаться, разбиться.

– Может быть.

Мать села на унитаз и принялась нерешительно массировать пальцы на ноге.

– О'кей. Думаю, самое время прочесть тебе лекцию, так вот, слушай. Секс – это может быть про любовь, да. И когда это так – это чудесно. Господи, детка, я очень надеюсь, что ты нашла именно это. Но кроме того, секс – это оружие. И мужчины пользуются им, чтобы что-то себе доказать насчет того, что они могут силой взять то, чего хотят. Ты сейчас стоишь на самой первой ступеньке лестницы мирового господства мужчин. И когда у тебя *вот такой* секс – а он чаще всего такой, – то ты должна удостовериться в том, что *тоже* пользуешься им как оружием. Не позволяй, чтобы мужчины тобой пользовались, и не верь, что это отношения на равных. Убедись в том, что получаешь от этого столько же, сколько они. – Мать натянула туфли на отекающие ноги, встала и слегка покачнулась на шпильках. – По крайней мере, получай удовольствие.

Мне стало просто противно от этих слов. Мои отношения с Бенни не были случайными и преходящими – я была в этом уверена. И все же сказанное матерью повисло в воздухе между нами. Она словно бы впрыснула яд в мою прекрасную картину.

– Мама, это очень устаревший взгляд на секс.

– Правда? – Она присмотрелась к своему отражению в зеркале. – Если судить по тому, что я каждую ночь вижу у себя на работе, я бы так не сказала. – Она поймала в зеркале мой взгляд. – Просто, детка... будь осторожна.

– Как ты?

Слова сами вылетели у меня изо рта и прозвучали гораздо более язвительно, чем мне хотелось.

Синие глаза матери часто заморгали. Она словно пыталась избавиться от чего-то, что туда попало. Соринка или тушь. Поток раскаяния.

– Мне полученные уроки обошлись дорого. И я просто пытаюсь уберечь тебя от того же. Мне стало стыдно.

– Ты не должна переживать за меня, мам.

Мать вздохнула:

– Я не знаю, как это – не переживать за тебя.

Последний раз я увиделась с Бенни в среду в середине мая. До конца учебного года оставалось всего три недели, и мы всю сдавали экзамены. Мы с Бенни не встречались почти неделю, пока я корпела тест за тестом в надежде добавить последние несколько «В» к уже имеющимся в запасе «А». Когда он вошел в автобус и сел рядом со мной в тот, последний день, он протянул мне лист толстой льняной бумаги. Это был мой портрет, очень старательно нарисованный тушью. Бенни изобразил меня в виде персонажа манги – в обтягивающем черном костюме, с гривой розовых волос за спиной. Я прыгала по воздуху, отталкиваясь крепкими ногами. В одной руке я сжимала окровавленный меч, а под моими ботинками скорчился в страхе огнедышащий дракон. Мои темные глаза смотрели с картинки – блестящие, огромные. Они бросали вызов любому, кто смотрел на меня: «Только попробуй, паршивец».

Я долго рассматривала картинку и видела себя такой, какой меня, судя по всему, видел Бенни. Для него я была супергероиней, наделенной силой, которой у меня, на самом деле, не было. Супергероиней-спасательницей.

Я сложила листок пополам и убрала в рюкзак, а потом молча взяла Бенни за руку. Он улыбнулся и сплел свои пальцы с моими. Автобус, кашляя выхлопными газами, вез нас вдоль берега озера. Теплый весенний воздух залетал в приоткрытые окошки.

– Моя мама улетела в Сан-Франциско на неделю, – сообщил мне Бенни, когда мы сошли с автобуса неподалеку от их поместья. – Ей нужно побывать у врача, решить вопрос с лекарствами, которые она принимает. Похоже, она переусердствовала с перестановкой мебели, и отец в итоге очень разозлился.

Бенни попытался рассмеяться, но с его губ слетел звук, похожий на полный боли крик умирающей чайки.

Я сжала его руку:

– С ней все будет хорошо?

Бенни пожал плечами:

– Каждый раз одно и то же. Ее накачивают лекарствами, она возвращается, а в будущем году повторится то же самое.

Но тут он закрыл глаза, и его длинные ресницы задрожали, прикасаясь к светлой коже и подчеркивая ее бледность. И я подумала о том медицинском коктейле, который каждый день употреблял Бенни. От этих лекарств у него сохли и трескались губы, сердце билось неровно. Я гадала – догадывается ли он о том, сколько внутри него его матери, и не пугает ли его это?

– Это значит, что весь дом в нашем распоряжении?

Я вообразила, что наконец поднимаюсь по грандиозной лестнице наверх, захожу в спальню Бенни, ведь она оставалась для меня загадкой до сих пор, как в самый первый день, когда мы познакомились. Пока что я видела только прихожую, холл, кухню, столовую и библиотеку, то есть горстку из сорока двух комнат Стоунхейвена, и это (как я теперь понимаю) должно было напоминать мне о том, как сильно я там нежелательна.

Бенни покачал головой:

– Ты забыла? Я же на привязи. Под арестом. Меня ни за что не оставят на попечении одной только Лурдес. Так что отец здесь, пока мать там. Думаю, их обоих это устраивает. – Он нахмурил брови. – Если увидим его машину на подъездной дороге, придется дальше идти особенно секретно, о'кей? Он намного более зоркий, чем мать.

Но отцовского «ягуара» на подъездной дороге не оказалось. Под соснами, в стороне от дороги, скромно стояла только заляпанная грязью «тойота» Лурдес. Поэтому мы снова пошли по дому так, словно он принадлежал только нам. Заглянули в кухню, взяли пару бутылок колы и пакет попкорна, после чего отправились к домику смотрителя. Там мы сели на крыльце, сплели наши ноги между собой и стали смотреть на стаю диких гусей, приземлившихся на лужайке. Время от времени мы бросали попкорн гусям, и самые смелые из них подходили и клевали угощение, опасливо поглядывая на нас. Они щипали траву, гоготали и роняли темные какашки на красивую зеленую траву.

– Вот что еще. Плохая новость. Родители на лето отправляют меня в Европу.

– Что?

– В какой-то реабилитационный лагерь в Итальянских Альпах, где я не попаду ни в какую беду. Ну, ты же знаешь – свежий воздух, физические нагрузки и вся эта чепуха, которая волшебным образом превратит меня в чудо-мальчика, которым они хотят меня видеть. – Бенни бросил гусям очередной кусочек попкорна и попал при этом в одну из птиц. Гусь сердито захлопал крыльями. – Похоже, они искренне верят в то, что европейский воздух намного полезнее американского. – Бенни скосил глаза на меня. – У меня «хвосты» по трем предметам, ты же знаешь. Думаю, это последняя попытка встряхнуть меня, пока они не отказались от меня окончательно.

– Но может быть, если ты хорошо напишешь тесты, тебе разрешат остаться?

– Сомневаюсь. И тесты я вряд ли напишу шикарно, да и вряд ли это что-то изменит. Я не мастак налегать на учебу и получать отметки «А», как это делаешь ты. Я даже читать могу не дольше пяти минут подряд. Как думаешь, почему я так обожаю комиксы?

Я задумалась о собственном лете. Мне предстояла работа с минимальной зарплатой в Тахо-Сити в компании, занимавшейся туристским сплавом. Мне предстояло нагружать и выгружать надувные лодки, которыми кишела река Траки, от Дня Поминовения⁴⁷ до Дня Труда. Эта перспектива показалась мне еще более унылой теперь, когда я поняла, что Бенни не будет ждать меня после работы.

– Черт. Что же я буду делать без тебя?

– Я тебе подарю сотовый телефон и буду звонить каждый день.

– Спасибо. Но это не одно и то же.

Какое-то время мы еще сидели на солнце и смотрели на озеро. Лодки на нем пока еще не появились. Глаза слепило от бликов солнечного света на синей воде. А потом Бенни поцеловал меня, и его губы были еще более печальными, чем всегда. Мы словно бы уже прощались на все лето. А когда мы отстранились друг от друга, Бенни с закрытыми глазами еле слышно выговорил:

– Я люблю тебя.

С часто бьющимся сердцем я эхом ответила то же самое. Казалось, у нас было все, что нужно – там, в то мгновение и навсегда. Казалось, этими словами мы каким-то образом сумеем победить все, что стояло на нашем пути.

В первый и последний раз я ощутила чистую, ничем не омраченную радость.

Мы вошли в домик и отправились в спальню, по пути раздевая друг друга. Мы роняли одежду на пол и оставляли за собой след из футболок и носков, словно Гензель и Гретель – из крошек. В спальне тусклый свет озарил молочно-белую кожу Бенни. Я провела рукой по рыжим веснушкам на его груди... На этот раз мы довольно скоро поняли, как лучше доставлять друг другу удовольствие. Мы уже не так часто толкались локтями и коленками. Было больше счастья открытий. А как это будет, если прикоснуться вот здесь... или здесь, если дотронуться

⁴⁷ День Поминовения – национальный праздник в США, отмечающийся ежегодно в последний понедельник мая.

друг до друга эти части тела? Это был почти что детский научный эксперимент, вот только ставка была вполне себе взрослая.

И из-за *этого*... из-за того, какими жаркими были губы Бенни, коснувшиеся моей груди, из-за того, как влажно скользил его живот по моему животу... из-за всего этого мы не услышали, как в домик вошел его отец. Мы были настолько поглощены друг другом, что даже прикрыться ничем не успели, а он уже возник на пороге и заслонил собой свет, проникавший в спальню из гостиной. А в следующее мгновение отец Бенни схватил меня за руку выше локтя и оторвал от своего сына. Я взвизгнула и судорожно прижала к себе простыню, а Бенни остался на кровати. Он ошеломленно моргал.

Уильям Либлинг IV. Он выглядел в точности так, как на фотографиях, которые я видела. Высокий, крупный, лысый мужчина в дорогом костюме. Но в тот момент он показался мне еще более огромным, а ростом еще выше Бенни. Наверное, ему было под шестьдесят, но он вовсе не был хрупким и вялым. Наоборот, от него исходил дух устойчивости и могущества – этот дух приносят унаследованные деньги. Но, в отличие от тех снимков, на которых я видела его добродушным и легким, сейчас лицо его было красным, как свекла, а глаза пылали раскаленными углями в набухших складках кожи.

Не обращая внимания на Бенни, неуклюже вставшего с кровати и прикрывавшего руками пах, его отец крикнул мне:

– Кто ты такая?

Я чувствовала себя мокрой и беззащитной. Сердце в груди все еще билось жарко, кожа все еще горела от страсти. Я ничего не могла понять, все смешалось...

– Нина, – выдавила я. – Нина Росс.

Мой взгляд метнулся к Бенни. Он неловко засовывал огромную ногу в трусы-боксеры, поднятые с пола. Натягивая трусы, он попятился к двери, глядя на джинсы, лежавшие за порогом.

– Ни с места! – рявкнул мистер Либлинг, скосив глаза на сына. Повернувшись ко мне, он долго сверлил меня взглядом. – Нина Росс.

Он словно бы покатал мое имя во рту, стараясь связать его с воспоминаниями. А я гадала, такой ли он отец, который позвонит моей матери и нажалуется на меня. Может быть. А может быть, мать Бенни возьмет эту честь на себя. Я представила себе, как моя мама посылает их обоих куда подальше.

Бенни наконец справился с трусами и, сторбившись, остановился у двери, закрывая руками оголенную грудь.

– Папа... – промямлил он.

Его отец резко обернулся и поднял вверх руку с вытянутым указательным пальцем:

– Бенджамин. Ни. Одного. Слова.

Затем он повернулся ко мне и одернул полы пиджака, что, похоже, его немного успокоило.

– Нина Росс. Ты немедленно уйдешь, – произнес он ледяным голосом. – И больше ты никогда не явишься сюда. С этой минуты ты навсегда покинешь Бенджамина. Тебе понятно?

Воздух словно бы наполнился каким-то странным запахом – сильным и резким. Это был ужас Бенни, это он изливал в воздух свой страх, беспомощно глядя на меня. Он вдруг словно бы уменьшился, стал ребенком – при том, что был на целых полфута выше отца. Мне вдруг страстно захотелось защитить его от всего, что могло навредить ему. Я подумала о Нине на рисунке Бенни, о супергероине с окровавленным мечом. И я, внезапно ощутив спокойствие, туго обмотала простыню вокруг себя.

– Нет, – услышала я собственный голос. – Вы не можете приказывать мне. Мы любим друг друга.

Мышцы на лице мистера Либлинга дернулись так, словно его ударило током. Он шагнул ближе ко мне, наклонил голову. Его голос прозвучал хриплым лаем:

– Юная леди, вы не понимаете. У моего сына здесь *нет права слова*.

Я посмотрела на Бенни, скорчившегося в углу. В эту мучительную секунду я подумала – может быть, его отец прав, но все же сказала:

– Я его знаю лучше, чем вы.

И тут отец Бенни расхохотался. Его смех был невеселым и унижающим.

– Я – его *отец*. А ты... – он смерил меня взглядом с головы до ног. – Ты никто. Ты *мусор*. – Он указал на дверь. Убирайся, или я вызову полицию, и тебя увезут.

Он повернулся к Бенни и провел рукой по своей лысине, словно бы проверяя, все ли в порядке у него с черепом.

– Теперь ты. Через пять минут чтобы был в моем кабинете, одетый, как положено. Ясно?

– Да, – ответил Бенни почти шепотом. – Сэр.

Отец долго смотрел на Бенни. Его взгляд пробежал по длинным опущенным рукам сына, по его впалой груди. И тут с его губ сорвался звук, похожий на вздох. Я увидела, что у него внутри словно бы что-то сдулось.

– Бенджамин, – произнес он и протянул руку к сыну.

Бенни вздрогнул и отпрянул. Его отец замер с вытянутой рукой и тут же, неизвестно зачем, снова провел ею по лысине. А потом развернулся и вышел из спальни.

Мы дождались момента, когда хлопнула входная дверь, и оделись так же быстро, как раздевались. Бенни избегал встречаться со мной взглядом. Он натянул водолазку и проворно зашнуровал кроссовки.

– Прости меня, Нина, – повторял он раз за разом. – Прости, прости меня.

– Ты не виноват.

Я обвила руками его талию, но он стоял на месте, покорный, с повисшими руками. Казалось, у него треснул позвоночник. Я хотела поцеловать его, но он отвернулся от меня. И тут я поняла: я восстала против его отца, а Бенни явно восставать не собирался. Как бы он ни притворялся, делая вид, что ненавидит свою семейку, если бы пришлось выбирать между мной и ими, то никакого выбора бы и не было. Я не была супергероиней, убивавшей драконов ради Бенни. Я была *никем*. Чувство было такое, будто зеркало, в которое я смотрела, треснуло, разбилось, остались только маленькие кусочки, и я понятия не имела, как их опять собрать воедино.

Он не взял меня за руку, когда мы пошли по тропинке к Стоунхейвену. Он не обнял меня, когда я была готова повернуть направо, к воротам. Он просто повернул налево, к заднему крыльцу. Он только крепко зажмурился, словно хотел разглядеть что-то спрятанное внутри своей головы. А потом он еще раз повторил те самые слова, еле слышно:

– Прости, Нина.

Вот так все закончилось.

А потом... Экзамены и начало июня, а это для нашей школы означало, что последний день учебного года все школьники проводили на озере – плавали на байдарках, катались на водных лыжах и жарили соевые сосиски на пристани около чьего-нибудь частного пляжа. За пару недель до конца учебы я всего несколько раз видела Бенни. Я издали наблюдала за его неуклюжей долговязой фигурой в школьных коридорах, и у меня горло сжималось – рефлексивно, как у собаки Павлова. А потом я лежала ночью в постели и воображала, что мы все же поговорим с ним на школьной вечеринке. Или что он увидит меня на берегу, подойдет ко мне, расплатится и попросит прощения, и я его конечно же прощу, и мы обнимемся и будем вместе навсегда. Счастливый конец фильма.

Но Бенни не появился на пляжном празднике, и я в итоге весь день провалялась на песке рядом с Хилари и ее друзьями. Слушала, как они лопочут о том, как будут летом работать спасателями, и старалась не зареветь.

В какой-то момент Хилари повернулась ко мне лицом и оперлась на согнутую в локте руку:

– Слушай... А где же твой бойфренд сегодня? На семейной яхте уплыл, что ли?

– Бойфренд? – переспросила я, как бы не поняв вопрос.

Хилари многозначительно глянула на меня:

– Да ладно притворяться. Все знают. Не такая ты хитренькая. – Она улыбнулась. – Вот я точно знала, что вы сойдетесь. С самого начала знала.

Я улеглась на пляжное полотенце и зажмурилась так крепко, что у меня перед глазами вспыхнули искры.

– Он не мой бойфренд, – сказала я. – Мы расстались.

– О! Черт! Паршиво. – Хилари шлепнулась на живот и приспустила стринги бикини. – Ну так потуси с нами летом, я тебе кое-кого получше найду. Что отлично в работе спасателей – легко парня подцепить. – Но какие бы то ни было мысли насчет этого сомнительного плана – стать береговой бездельницей, сделать Хилари новой лучшей подружкой и тусоваться с загорелыми летними парнями, – все это испарилось как дым, когда я к вечеру пришла домой. В ту самую минуту, когда я повернула за угол, к нашему дому, вот что я увидела: материнский хетчбэк, по самые жабры упакованный коробками и огромными мешками для мусора, набитыми вещами. Я подошла к подъездной дорожке, остановилась около машины и уставилась через окошко на заднее сиденье, битком набитое чем попало. Я увидела мои «луноходы», заклеенные скотчем, они прижались к стеклу. И тут я не выдержала. Я расплакалась. Это были отчаянные рыдания. Я плакала о том, как все, что было так чудесно, могло стать так ужасно всего за пару недель.

Через какое-то время из дома вышла мама, подошла ко мне и раскинула руки, чтобы обнять меня:

– Прости, детка, мне так жаль, так жаль.

Я отпрянула от нее и утерла нос тыльной стороной ладони:

– Ты *обещала*. Ты говорила, что мы останемся здесь, пока я не окончу школу.

У матери был такой вид, словно она тоже вот-вот расплачется.

– Да, да, я так говорила. Но все вышло не так, как я надеялась. – Она стала комкать в руках край рубашки, закатывая и раскатывая ткань. – Дело не в тебе, детка. Ты свою часть договора выполнила. Просто... – Она растерялась.

Ее взгляд заставил меня перестать рыдать.

– Дело в Бенни, да?

В уголках глаз матери набухли слезы, но она не стала ничего отрицать:

– Нина...

– Они тебе позвонили, да? Его родители, Либлинги? Позвонили и сказали, что у нас с Бенни... было? Они тебе сказали, чтобы я не подходила к нему, потому что я недостаточно хороша для их сына, да?

Я смотрела на мать, а она не встречалась со мной взглядом, она только мяла в пальцах край рубашки, а по ее щекам текли черные туши с ресниц ручейки. А я, стоя там и глядя на нее, видела свою жизнь, поместившуюся в несколько коробок, и вдруг *поняла*: они выгнали нас из города. Для Либлингов мы были всего лишь *мусором*, мизерной соринкой на их пути к мировому господству, и поэтому мы должны были исчезнуть. Они были богаты, и это у них получилось.

Я гадала, за какие ниточки они потянули, чтобы вынудить нас уехать. Как еще они могли заставить мою мать отказаться от работы, дома, прекрасного будущего для дочери? Они были

вооружены до зубов, они угрожали. Это было в духе Либлингов. Мне ведь Бенни так и говорил: *«Отец у меня суровый: если сразу не добывается того, чего хочет, будет угрожать тебе до тех пор, пока своего не добьется»*. Звонок с жалобой в школу – и меня лишили стипендии. Словечко кому следует на работе моей матери, угрозы соседям. Как легко и просто им удалось отнять то небольшое, что мы имели. В конце концов, мы для них не имели никакого значения.

Рука матери обвила меня.

– Не плачь, моя милая. Не нужен он тебе. У тебя есть я, вот и все, что тебе нужно. Мы с тобой только друг другу можем доверять, – проговорила она срывающимся голосом. – И вообще, я лучше тебя никого на свете не знаю. Ты лучше их жуткого сыночка.

– Тогда почему мы позволяем им делать такое с нами? Мы не должны разрешать им такое с нами творить! – в отчаянии воскликнула я. – Нельзя позволять им получать все, чего они хотят! Нам нужно остаться!

Мать покачала головой:

– Прости, детка. Но уже слишком поздно.

– А как же Лига плюща? – выдохнула я. – Как же летняя школа в Стэнфорде?

– Для всего этого нам не нужна дорогая частная школа. – Мать выпрямилась, взяла меня за руку и повернулась к машине с таким видом, словно что-то было решено без меня. – Ты будешь отлично учиться, куда бы мы ни поехали, если только будешь стараться. Это была моя ошибка. Не стоило нам сюда приезжать вообще.

И мы вернулись в Лас-Вегас, где я начала новый учебный год в очередной бетонной громадине. И может быть, моя мать была права насчет того, что для успехов в учебе мне не была нужна дорогая частная школа, но за год, прожитый в Тахо, внутри меня что-то очень важное сломалось – способность верить в свои возможности. Теперь я понимала, кто я такая, на самом деле – никто, мусор. Человек, которого ничто не ждет впереди.

И моя мать после Тахо тоже потеряла равновесие. В первые несколько месяцев после возвращения в Вегас она была весела, отправлялась за покупками всякого разного для нашей новой квартиры и говорила о том, что нам вот-вот обязательно повезет. Но к зиме она стала мрачной и молчаливой, принялась снова по ночам исчезать в казино, но на этот раз я знала, что она не работает там официанткой. Вскоре ее арестовали за подделку кредитной карточки и кражу удостоверения личности. Она отправилась за решетку, а меня определили в приемную семью на шесть месяцев, до освобождения матери. Когда ее выпустили, мы переехали в Феникс, оттуда – в Альбукерке и, наконец, в Лос-Анджелес.

Невзирая на все перипетии, я ухитрилась неплохо учиться во всех школах, куда меня забрасывала судьба, и в итоге я смогла поступить в посредственный художественный колледж на Восточном побережье. Колледжу этому было далеко до Лиги плюща, и стипендию там не платили. И все же я твердо решила как можно дальше отойти от жизни моей матери, и пусть для этого мне пришлось отказаться учебы в местном неполном колледже и взвалить на себя студенческий кредит. Я уехала, чтобы получить степень бакалавра искусствования. В то время я все еще чувствовала боль от удара, нанесенного мне Стоунхейвеном, так что не слишком сильно задумывалась о том, как сложится моя карьера после колледжа. И конечно же четыре года спустя стало еще хуже. Я вошла в жизнь с разбитым сердцем, будучи заблудившейся недоучкой. Блестящее сияющее Будущее – в толстовке из Принстона, как на обложке буклета летней школы Стэнфорда... все это в итоге оказалось не для меня.

Все это у меня украли Либлинги, и я так и не простила их за это.

* * *

Очень долго я надеялась на то, что ошиблась насчет Бенни. Мне так хотелось верить, что он все же не такой, как его семейка, что ему просто нужно напомнить, какой он на самом деле.

Какое-то время, после того как мы переехали в Лас-Вегас, я писала ему письма с мыслями об одиночестве, рассказами об унылой новой школе, какими-то маленькими зарисовками. Между строк я добавляла безмолвную мольбу – мне хотелось, чтобы Бенни написал мне, дал знать, что я все еще ему небезразлична. Так миновало несколько месяцев, пока я не нашла в почтовом ящике открытку с фотоснимком эллингa и пирса «Чэмберс». На обратной стороне было всего три слова, написанных неровным, детским почерком: «ПОЖАЛУЙСТА, НЕ НАДО».

Значит, моя мама была права? Значит, мои отношения с Бенни были всего лишь сделкой, неудачной попыткой борьбы за власть между двумя глобально неравными людьми? Неужели я просто жаждала той жизни, которой жил Бенни, и мне хотелось откусить от нее кусочек? А он... неужели он хотел просто добиться власти над другим человеком и жить по примеру своих предков? Может быть, пережитое нами вовсе не было любовью, а это был только секс, одиночество и обладание?

Будь история другой, я бы сберегла мой портрет, нарисованный Бенни, тот, где я выглядела героиней манги. Сберегла бы и с нежностью доставала его в моменты сомнений в себе. Этот рисунок служил бы для меня доказательством, что я все-таки что-то собой представляю. Но в реальности вышло иначе: я нашла ту картинку в камине нашего дома в Тахо перед нашим отъездом из города. Я стояла и смотрела, как края рисунка обугливаются и сворачиваются, как языки пламени лижут мои уверенные в победе глаза и руку, сжимающую меч. И наконец от рисунка Бенни остался только пепел.

В другой истории, где мой прототип был бы добрее и мягче, я бы стала разыскивать Бенни сколько-то лет спустя, и мы бы встретились и стали ближе... и, может быть, воскресили бы нашу дружбу, приведшую к тому, что потом разлучило нас. Но это другая история. Да, я наблюдала за жизнью Либлингов издалека. Я знала, что Джудит Либлинг утонула при столкновении лодок на озере Тахо, вскоре после того как я получила от Бенни ту ужасную открытку. Я заметила, как Ванесса Либлинг стала звездой Инстаграма. Я узнала о смерти Уильяма Либлинга IV. Но я больше никогда не пыталась связаться с Бенни. С какой стати, если он ни разу не написал мне и не попытался объяснить, почему так легко отказался от меня? Я так долго злилась на него, что это стало важной частью моей жизни, болью, поселившейся у меня под ложечкой. Эта боль стала зародышем всей моей ненависти к миру.

И все же... Несколько лет спустя я случайно встретила на улице в Нью-Йорке с Хилари, и она обмолвилась о том, что Бенни поставили диагноз «шизофрения» и что его отправили домой из Принстона, где он набросился на девушку, жившую с ним в общежитии на одном этаже, а потом бегал по коридору голый и кричал. Услышав об этом, я удивилась тому, что испытала не мстительную радость, а жалость. «Бедный Бенни», – думала я, слушая, как Хилари лопочет о том, что его определили в какую-то дорожную психушку неподалеку от Мендосино, и что кто-то из школьных друзей навещал его там, и что он, можно сказать, теперь натуральный овощ, до безумия напичканный лекарствами.

А потом мучительная мысль: *«Бедные мы»*.

Значит, может быть, у меня еще оставались чувства к нему?

А что касается остальных Либлингов, к ним у меня нет ничего, кроме ненависти.

Глава восьмая

Нина

Ванесса, Ванесса, Ванесса. Ощущает ли она это, когда я иду к ней? Иду навстречу по мощеной подъездной дороге? Чувствует ли она, что воздух словно бы наэлектризован, что от крошечных разрядов пощипывает кожу? Не предупреждает ли ее чутье, что нечто в моей выверенной, точной походке учителя йоги и широкой улыбке что-то не так? Не борется ли она с безотчетным желанием закрыть окна ставнями, забрать дачную мебель с лужайки, накрепко запереть двери и спрятаться в подполе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.